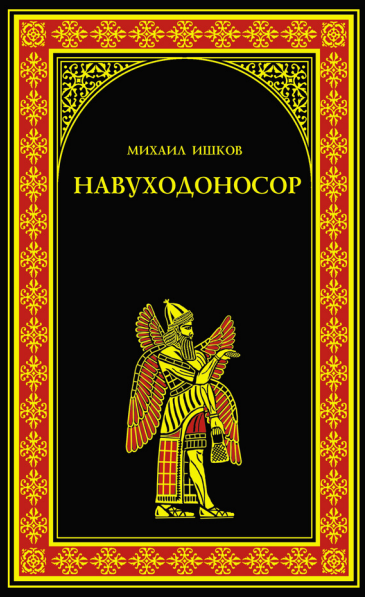

Михаил Никитович Ишков
Навуходоносор
Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654584
Навуходоносор / Михаил Ишков: Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-5696-1, 978-5-4444-7680-2

Аннотация

Навуходоносор – это звучное имя хотя бы понаслышке знакомо каждому. Есть в нем что-то неотвратимо-грозное, зловещее. Символ деспотии, безжалостный завоеватель... Бич Божий... Человек, первым до основания разрушивший святой город Иерусалим и создавший знаменитые «висячие сады» – одно из семи чудес света, вошел в историю как личность легендарная. На страницах Библии его деяния поданы так, словно этот царь был послан некой незримой, надзирающей за людским миром, силой, сотворил чудо-государство, а когда пришел срок, таинственно растворился в глубине веков.

Роман известного современного писателя Михаила Ишкова посвящен Навуходоносору II, легендарному царю Вавилонии в 605–562 гг. до н. э. Он правил 43 года, но остался в истории нашей цивилизации на тысячелетия.

Содержание

Удивительная судьба!	7
Часть I. Восхождение	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Михаил Ишков

Навуходоносор

© Ишков М. Н., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

* * *

Посвящаю отцу, полковнику Красной армии

Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.

Энциклопедический словарь. Т. 39. С. 418

Навуходоносор II¹ (605–562 гг. до н. э.) – знаменитый вавилонский царь, сын Набополасара². В оставленных им многочисленных надписях он лишь изредка и слегка касается военных подвигов, о которых сообщают Библия и классики. Его походы были все направлены к одной цели – укреплению новорожденного государства в границах прежней Ассирии. Для этой цели было необходимо прогнать из Сирии вторгнувшихся туда египтян. Поражение фараона Нехао³ при Каркемише (605 г. до н. э.) решило судьбу Азии, отдав ее в руки Вавилоня «до потока Египетского» (600 г. до н. э.). В вавилонском войске были и греки, между прочим, брат поэта Алкея. Новые попытки египтян возобновить активную политику в Сирии путем составления коалиции местных царьков повлекли за собой разрушение Иерусалима и храма, вавилонский плен (587 г. до н. э.) и опустошительный поход самого Навуходоносора в Египет вплоть до нубийской границы (568 г. до н. э.). Египетские памятники (надпись Неса-Гора в Лувре) сообщают, что в конце концов он был разбит; во всяком случае, Египет не был покорен. То же самое следует сказать о финикийском городе Тире, который Навуходоносор не удалось взять, несмотря на продолжительную осаду, и с которым ему пришлось заключить договор. Вместе с Сиэннесием Киликийским⁴ Навуходоносор был третейским судьей в споре между Астиагом и Алиатом⁵ (585 г. до н. э.). Гораздо подробнее рассказывают источники о мирных деяниях Навуходоносора. Вавилон обязан ему восстановлением в качестве столицы мира. Он закончил начатые отцом укрепления и превратил город в неприступную крепость, выстроив с восточной стороны огромную стену из асфальта и кирпича, выкопав ров, и громадный ров. Особенно Навуходоносор хвалится своими постройками в Эсагиле

¹ На самом деле его имя звучит Nabu-kudur-usur, что означает «Набу! Защити трон».

² Набополасар (Nabu-aplu-usur – Набу! Защити сына) – вавилонский царь, основатель нововавилонской династии (626–605 гг. до н. э.). Был полководцем у одного из последних ассирийских царей. Посланный в Вавилон для усмирения восстания, захватил трон и отложился от Ассирии, заключил союз с мидянами и вскоре принял титул царя Шумера и Аккада и царя Кишшлати. Организатор коалиции против Ассирии и в союзе с мидийским царем Киаксаром в 613 г. до н. э. взял Ниневию и разрушил ее до основания. Так была ниспровергнута первая из «мировых» империй – Ассирийское царство. Отрегулировал течение Евфрата, к тому времени удалившего русло от Вавилона, восстановил городские стены, храм в Сиппаре. В сохранившихся надписях Набополасар называет себя «положившим основание страны».

³ Нехао (610–595 гг. до н. э.) – фараон Древнего Египта, сын основателя XXVI (саисской) династии Псамметиха I, соперник Навуходоносора. Его имя в настоящее время читается и как Нехао, или Нехо, и как Никау. Именно по его поручению финикийские мореплаватели совершили плавание вокруг Африки; он также попытался вновь прорыть канал между Нилом и Красным морем. При строительстве погибло 120 000 человек.

⁴ Сиэннесий Киликийский – правитель Киликии, области на юго-востоке Малой Азии. Неизвестно, то ли «Сиэннесий» – титул, то ли родовое имя властителей этой горной страны.

⁵ Астиаг (585–550 гг. до н. э.) – царь Мидии, сын Киаксара, который в союзе Набополасаром разгромил Ассирию. Алиат (605–550 гг. до н. э.) – царь Лидии. Его сын Крез вошел в историю и народную память как правитель, обладавший несметными сокровищами.

и Эзиде⁶, постоянно называя себя «восстановителем» этих главных национальных святынь. Кроме Вавилона, который Навуходоносор особенно любил и в котором он постоянно жил, он не забывал и о других городах: Борсиппе, Уре, Сиппаре, Куте, Эрехе, Дильбате и др., реставрировал в них храмы, возводил укрепление, как о том повествуют найденные в тех местах надписи. Он выстроил новый царский дворец, более соответствующий величию империи. Завоевателем по призванию и ремеслу он не был: все его войны были делом необходимости и самосохранения; точно также не слышно о таких страшных жестокостях с его стороны, какими запятнали себя ассирийские цари. Прекрасные молитвы, обращенные им к Мардуку, носят совершенно монотеистически-библейский колорит. Однако роль «разрушителя града Божьего» и Иерусалимского храма были причиной того, что имя его долго было предметом ужаса и даже отвращения. У пророков (Исайя, 14; Даниил, 4) он олицетворение доходящего до самообожания самомнения, бич Божий, «полагающий вселенную всю пусту». Этот взгляд на Навуходоносора перешел в литературы последующих поколений.

Энциклопедия Британика. Т. 12. С. 925–926.

Навуходоносор (Nebuchadrezzar) II – старший сын и наследник Набополасара, основателя халдейской (или Нововавилонской) империи. Наиболее известный представитель этой династии. В историю вошел как полководец, устроитель столицы и как человек, сыгравший выдающуюся роль в еврейской истории. Имя его известно из надписей на глиняных табличках, из еврейских источников и от античных авторов.

В то время как его отец подчеркивал свое простое происхождение, Навуходоносор объявил себя потомком легендарного царя Нарам-Суэна, правившего в III тыс. до н. э. Год рождения Навуходоносора неизвестен, но скорее всего это случилось до 630 г., т. к. согласно обычаю Навуходоносор, начавший военную карьеру в самом юном возрасте, к 610 г. занимал важный пост в армии. Он первый, кого упомянул его отец Набополасар как простого работника, участвовавшего в восстановлении храма Мардука, главного бога города и страны.

В 607–606 гг. Навуходоносор в качестве наследного принца вместе со своим отцом командовал армией в горах к северу от Ассирии (Харран). Здесь ему поручались отдельные самостоятельные операции. Когда отец вернулся в Вавилон, Навуходоносор стал главнокомандующим. После того как египтяне в 606–605 гг. нанесли несколько серьезных поражений вавилонянам, Навуходоносор в генеральных сражениях при Каркемише и Хамате полностью разгромил войско фараона Нехао, создав тем самым предпосылки для установления контроля над всей Сирией. После смерти отца, последовавшей 16 августа 605 г., Навуходоносор спешно вернулся в Вавилон и в течение трех недель закончил коронационные торжества. Подобная стремительность и последовавшее затем молниеносное возвращение в армию показали, что империя попала в крепкие руки.

Во время похода в Сирию и Палестину (июнь – декабрь 604 г.) он покорил несколько мелких царств и княжеств, включая Иудею, захватил город Ашкелон. Окончательно усмирение Палестины заняло около трех лет. В армии Навуходоносора служили греческие наемники.

В 601–600 гг. он вновь столкнулся с египтянами и в начале кампании потерпел несколько серьезных поражений, явившихся результатом отступничества ряда покоренных государств, в том числе и Иудеи. В результате Навуходоносор был втянут в затяжную войну в Палестине. В 600–599 гг. ему пришлось вернуться в Вавилон, где молодой царь организовал ремонт вышедших из строя боевых колесниц... Новый стратегический план, разрабатываемый с декабря 599 по март 598 г. был нацелен на завоевание арабских племен в северо-западной Аравии, его стержнем являлась идея обязательной оккупации Иудеи. Годом позже

⁶ Эсагил(а) – храм бога Мардука в Вавилоне. Эзида – храм бога Набу в Борсиппе.

Навуходоносор вступил в пределы Иудейского царства и 16 марта 597 г. принял капитуляцию Иерусалима. Царь Иехония был выслан в Вавилон. После короткой кампании в Сирии в 597/596 гг. Навуходоносор был вынужден (возможно) вернуться в столицу и отразить вторжение эламских войск (современный юго-западный Иран).

Ситуация обострилась, когда в 595–594 гг. в Вавилоне вспыхнуло восстание, в котором приняли участие отдельные армейские части. Навуходоносор сумел быстро овладеть положением и вскоре провел две успешные военные кампании в Сирии (594 г.). О дальнейших походах Навуходоносора известно не из сохранившихся хроник, а из других источников, частично из Библии, где приводится описание повторной осады Иерусалима и тринадцатилетней осады Тира. Остались также неясные сведения о походе в Египет. В августе 586 г. Иерусалим был взят, все образованные жители выселены (еще одна депортация была проведена в 582 г.)...

Находясь под впечатлением ассирийских имперских традиций, Навуходоносор сознательно проводил политику экспансии. При этом было объявлено, что Мардук отдал ему под начало всю землю, чтобы «от горизонта до горизонта ему не было соперников»...

Обладавший крупным военным талантом, Навуходоносор к тому же проявил себя выдающимся дипломатом. Он был приглашен в качестве третейского судьи в споре между мидянами и лидийцами.

Другой важной сферой деятельности Навуходоносора являлось восстановление Вавилона....

Мало что известно о его семейной жизни. Он женился на мидийской царевне и, чтобы утолить ее тоску по родным горам, возвел знаменитые «висячие сады»...

Несмотря на роковую роль, которую Навуходоносор сыграл в иудейской истории, его образ в религиозной традиции освещен благоприятным, уважительным светом. Сообщается, что он приставил охрану к пророку Иеремии, который объявил его инструментом Бога, чьей рукой были наказаны непокорные и забывшие завет. Пророк Иезикииль выразил то же отношение к Навуходоносору...

Ничем не подтверждается рассказ пророка Даниила о семилетнем безумии, охватившем царя. Скорее всего, это относится к событиям, связанным с преемником Навуходоносора, Набонидом, который выказал эксцентричность, оставив Вавилон и поселившись в оазисе Тейма, что в Арабистане.

В новое время имя Навуходоносора стало синонимом безжалостного завоевателя. С ним сравнивали Наполеона...

Удивительная судьба!

Это звучное имя – Навуходоносор – хотя бы понаслышке знакомо каждому. Есть что-то неотвратимо-грозное, скрежещущее в этой надписи, составленной по греческому образцу. Символ деспотии, безжалостный завоеватель... Бич Божий... Урок и наказание всякому, кто изменил заветам отцов, погнался за сиюминутным, срамным... За новизной, понятой как возможность прожить сытно, безбедно, за чужой счет. За пренебрежение и ненависть к подобным себе, за легкую кровь, за поклонение чужим кумирам, за пляски на гробах отцов...

Человек, первым до основания разрушивший святой город Иерусалим, вошел в историю как личность легендарная. На страницах Библии его деяния поданы так, словно не бренимая почва была ему опорой, словно этот царь был послан незримой, надзирающей за нами, людишками, силой, сотворил чудо-государство и, когда пришел срок, также таинственно растворился в небесных сферах, оставив по себе память-напоминание о неизбежной расплате за грехи наши личные, за грехи семейные, родовые, общественные.

Смотрите, мол!.. Дерзайте, но не дерзите, поминайте, но не богохульствуйте, любите, но не блудодействуйте, умничайте, но не зарывайтесь... Ищите свет невечерний...

В детстве это имя казалось мне, мечтательному до впадения во сны наяву мальчику, одним из тех легендарных созвучий, которые сами по себе поселяются в душе и являют собой отзвук загадочного былого. Что-то вроде далеких ударов барабана или неясного бормотания радио по утрам, прерываемого музыкальными фразами, среди которых иногда попадаются удивительно запоминающиеся мелодии... Что-то вроде книжек с оторванным началом и концом, достававшимися на мою долю в библиотеке пионерского лагеря. Гог и Магог, Содом и Гоморра, Вавилон, Александр Македонский, Змей Горыныч, Асархаддон, Синаххериб⁷, султан Махмуд персидский и султан Махмуд турецкий...

Историческая явь оказалась куда более ошеломляющей. Жизнь Навуходоносора с юных лет (ни года рождения, ни каких-либо подробностей его детства мы не знаем – о них, на основании косвенных свидетельств, можно только догадываться) до самой смерти есть непрерывно-весомое историческое событие, факт, достойный осмысления, предлагающий естественный повод задуматься – камо грядеши?

Куда идем? И откуда?.. И зачем вообще шевелим ногами?..

Созданная им и его отцом империя рухнула через восемьдесят лет после коронации Набополасара на вавилонский трон. Сам Навуходоносор правил сорок три года, то есть большую часть этого срока. Выходит, все держалось на одном-единственном человеке? Это обстоятельство вам ничто не напоминает?

Понятно, первым приходит на ум сравнение с Советской Россией, и должен признать, что аналогии здесь уместны. Первое в мире социалистическое государство просуществовало чуть более семидесяти лет – Нововавилонское царство чуть менее девяноста. Полнота власти к их основателям – В. И. Ленину и Набополасару – пришла после долгих лет упорного труда в тени существующих в ту пору режимов. Их наследники – И. В. Сталин и Навуходоносор II – правили долго, именно в эти годы оба только что созданные государственные образования достигли небывалого величия. После их смерти началась борьба между наследниками и в результате – крах. Однако при внимательном рассмотрении вопроса обнаруживаются и существенные различия, особенно в понимании власти, ее возможностей и пределов.

⁷ Синаххериб (Син-аххе-эриба) – ассирийский царь, правил 704–681 гг. до н. э. Стер с лица земли Вавилон. Асархаддон (Ашшур-иддина) – ассирийский царь, сын Синаххериба, правил 680–669 гг. до н. э. Восстановил Вавилон, вернул жителей. Оба вошли в историческую память как одни из самых крутых завоевателей.

Все подобные государственные образования (державы Кира Великого, Чингизхана и Тимура, империя Александра Македонского, Карла Великого, Франция времен Наполеона и Советская Россия в том числе) возникали либо в смутные времена – в эпоху духовных кризисов, в момент поиска точки прорыва к будущему, когда старые боги умирали, а образы новых еще были смутны, загадочны и чудовищно привлекательны, – либо в преддверии крутого перелома истории. Время как бы ставило опыт за опытом, нащупывая русло, где оно могло бы свободно перетекать из прошлого в будущее. Организованная воля, возможно, самое мощное духовное оружие в руках человечества, и каждый из оставшихся в памяти последователей ассиро-вавилонских царей вполне осознавал, какая это сила. С ее помощью становится возможным решить многие насущные вопросы, стоящие как перед государством, так и перед личностью. Но камень преткновения в том, как применять эту силу? К какому горизонту осознанно, а также поддаваясь на импульсы бессознательного, стремится вождь? И в каждом случае история ставила свои ограничения дерзнувшему. Главной целью Сталина, например, было вовсе не построение социализма в одной, отдельно взятой стране, а победа мировой революции. Тем самым он просто-напросто перечеркнул самое существенное, чем ценен марксизм – его экономическую теорию. Для Сталина не существовало компромиссов, отсутствия врага. Примирение с соперником было для него психологически невыносимым состоянием. Вот почему, как мне кажется, он умер преждевременно, в состоянии надлома, с жуткой мыслью, что «классовый враг» в конце концов одолел его. Если Сталину (как, впрочем, и Александру Македонскому) власть всегда казалась идеальным средством для достижения нереальных целей, то Навуходоносор с детства усвоил, что порядок целей определяют боги. Или историческая необходимость... В отличие от Александра Македонского царь Вавилона никогда не полагал себя, даже внутренне, божественным существом. Древний царь Вавилона проявил в этом вопросе подлинно божественную мудрость. Он всегда знал меру, даже в тех случаях, когда решался идти до конца. Он пытался уловить аккорды, исходящие из небесных сфер, старался понять, каков смысл благой вести, куда она зовет. В эпохи, когда создавались подобные империи, небесная музыка начинает звучать особенно громко, и тот, кто умел слушать, становился в какой-то мере баловнем судьбы. Может, поэтому Навуходоносор в отличие от Александра Македонского и Наполеона царствовал до конца своих дней. Все, что ему было отмерено, он испытал полностью. У Арнольда Тойнби есть замечательная статья. В ней описываются события, которые стали бы возможны, если бы Александр Македонский не умер в тридцать три года. С его смертью все кончилось: и подготовка экспедиции в Аравию, и далее на Карфаген, и безраздельная власть, и заявка на божественное происхождение, беспримерное творческое начало, всепобеждающая воля, планы мирового господства, государство...

В случае же с этим халдейским царем провидение сумело-таки довести свой первый опыт по определению пределов возможностей человека до конца. Навуходоносор скончался по меньшей мере семидесяти лет от роду, ушел из жизни не по болезни, но в полном здравии, в славе и почете. Он добился того, что «сразу после поминовения богов» его имя «долго было на устах людей» и до сих пор оно не пустой звук для большинства населяющих Землю. И никаких мировых империй, штурм небес, исключительных по своим масштабам зверств, ошеломляющих географических открытий, попыток насильственного внедрения нового понимания божественной сути.

Что же осталось от этой блистательной жизни? Многочисленные строки в Библии, где он выступает грозным перстом Божиим? Походы, переустройство родной земли? И, конечно, сказка о Вавилоне – висячие сады Семирамиды, отстроенная заново Вавилонская башня, Ворота Иштар, Дорога процессий, Мидийская стена – сестра китайского мегасооружения. Его удивительная судьба словно напоминание человечеству – так кончаются войны. Так завершается вражда... Сказкой, исторически документированной легендой об истори-

ческом человеке, который сумел совместить несовместимое: разрушить Иерусалим и храм и сохранить уважение пророков, покорить полмира и вовремя остановиться, любить одну женщину и сохранить эту любовь до конца ее дней.

Одно только ему и его последователям оказалось не под силу – перевернуть мир. Сам уверовавший в единого Бога, Навуходоносор не пытался убедить других, что истина проста и свет во тьме светит... Он умер со скорбящей душой. Ему более чем какому другому человеку было известно, что всякое, пусть даже самое доблестное, громовое деяние – прах и тлен. Только слово способно противостоять напору времени. Им был рожден мир, словом он и завершится...

Часть I. Восхождение

...Всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных, Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. Ты – это золотая голова!

Даниил; 3, 38⁸

Глава 1

Вода прибывала медленно, до замирания сердца медленно... Набу-Защити трон вздохнуть не мог – горло перехватило от волнения. Отец в сдвинутом на затылок, помятом ассирийском шлеме, напоминающем надетую на голову воронку с вытянутым и загнутым до соединения с лобной частью носиком, поверху пучками были пущены перья, – держал руки по швам. Так и застыл по стойке смирно, мало подобающей царям. Что Набополасар! Повелитель мидян Киаксар долго не мог найти себе место, все бродил по склону, откуда открывался вид на осажденную Ниневию, на исполинскую запруду, преградившую путь мелководному Хусуру, который вдали, незримо, за пределами осаждаемой крепости, впадал в священный Тигр. Наконец Киаксар уселся на установленный в треноге большой войсковой барабан с округлым дном – как только кожа не лопнула! – и не в силах справиться с волнением костяшками пальцев принялся постукивать по натянутой коже. Набу-Защити трон до самой смерти не мог забыть глухой, комканый стук, повторяющий дробь, с помощью которой в мидийском войске воинов во время атаки разгоняли до бега: «бум – бум-бум-бум, бум – бум-бум-бум, бум – бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум». Он что, пытался подгонять поток?

Была середина лета. Давным-давно миновали последние деньки благодатной поры, теперь на окружающую побуревшую равнину нагрянула сушь... Тигр мелел на глазах, Хусур тоже, и, может, поэтому река с такой натугой собирала воды. Вот какая загадка до сих пор не давала покоя Навуходоносору – отец осознанно дожидался межени или его осенило внезапно, после двух неудачных штурмов северного фаса восточной стены, когда всем стало ясно, что в лоб стены столицы Ассирии не одолеешь? Не было к ней подступа!.. К моменту второй атаки, когда окончательно были взяты и разрушены предмостные укрепления, нападавшим с помощью таранов удалось разворотить часть стены, но к следующему утру защитники города сумели возвести новый вал, и хлынувшие было через пролом воины оказались в каменном мешке.

Отступить от «логова льва» тоже было нельзя – воспрянувшие духом ассирийцы могли разгромить халдеев и мидян с примкнувшими к ним племенами на марше. Отсутствие выбора рождало уныние и заметное озлобление в войске. Киаксар тоже мрачнел день ото дня – ходил помалкивал, покусывал ус. Потом взорвался – доколе, мол, сидеть будем? Чего ждем? Скоро мы тут все от жары сдохнем! Лошади начали падать, скифы того и гляди дадут деру. Я спрашиваю – чего мы ждем? Решительный штурм, всех бросить на стены, заготовить тростниковые подстилки и по ним через болотистую пойму подтянуть в восточным стенам стенобитные орудия ниже пролома. Гляньте, союзнички, какие у них в этом месте укрепления! На живом слове держатся!..

⁸ Здесь и дальше цитируется по изданию: Библия. Книги священного Писания, Ветхого и Нового Завета. Канонические. Российское библейское общество, М., 1997.

Набополасар – коренастый, основательный мужчина с кустистой бородой, которую он принципиально отказывался завивать на ассирийский манер, лысый со лба до темени, брови мохнатые, – слушал брань Киаксара молча. В тот день они вот также с утра взобрались на холм, отец по привычке встал по стойке смирно, сложил руки на спине. Видно, размышлял о чем-то... Потом, когда царь мидян смачно плюнул в сторону Ниневии – будь ты проклята, жестокая блудница, костью вставшая в горле у всех народов от Иранского нагорья до берегов Верхнего моря!⁹ – подал голос.

– Нетерпение и гнев не самые лучшие советчики, – выговорил он царю мидян. – Сомкни уста, успокойся, а то брякнешь что-нибудь поспешное, потом будешь стыдиться. Рассуди, как мы подтащим орудия к самым городским стенам в новом месте, когда до них еще три ряда укреплений? Какие фашины в эту грязь не швыряй, их все равно скоро засосет, а таранов мы не можем лишиться. Времени у нас в обрез, час какой-то, пока они не утопнут в этой жиже. Вот этот час и следует использовать... Стены, конечно, у них в этом месте паршивые – видно, кончились силенки у Сарака¹⁰. Но погубить армию в этом гиблом месте я не намерен. И тебе не советую.

Киаксар вновь смачно сплюнул, придавил слюну мидийским, с загнутым вверх носком, сапогом, примолк. Навуходоносор слушал молча, слова не пытался вставить – отец держал его в строгости, как и подобает отцу семейства. Набополасару было безразлично, имеет ли он дело с наследным принцем или с бедняком-арендатором. В семейном кругу он был все тем же крестьянином, сумевшим с помощью богов и собственного разума выбраться со своим родом из поймы. Округа и семьи, входившие в племя Бит-Якин, избрали его, разбогатевшего, накопившего силу, вождем не только по праву рождения (болтали, что Набополасар происходил из рода славного Мардукапла-иддина – первого халдея, севшего на трон в Вавилоне), но и признавая его воинский дар. Хитрости Набополасару было не занимать, но главное его достоинство заключалось в предельной осторожности и неспешности в ведении боевых действий. Он так и сына поучал – береженного Мардук бережет, поспешишь, якини насмешишь. Этих патриархальных мудростей, костью встававших в горле молодого человека, у отца было пруд пруди.

Все трое, с холма, они смотрели на приятную на вид пойму Хусура, игриво, петлями, вливавшемуся через проем в стене в пределы страшной Ниневии, в логово Ашшура. Заросли тростника, кое-где оконца чистой воды, редко заросли кустарников... Гладь ровная, как степь в Сирии. Топью ее назвать было нельзя. Для халдеев, выросших в бездонных болотах устьев Евфрата и Тигра, эта убудочная – всего лишь по колено – грязь казалась насмешкой. Здесь, в долине Тигра, сырая почва всасывала пехотинца постепенно, словно стесняясь. Сам Хусур, шагов тридцать в ширину, был мелководен и медлителен. Тигр вдали по сравнению с ним казался потоком безбрежным и неодолимым. Как раз между худосочным Хусуром и великой рекой на каменистом холме возвышалась столица Сарака, нынешнего царя Ашшура.

Крепость представлял собой трапецию, аккуратно врезанную в возвышенность между Тигром и Хусуром. Стены ее были высоки, могучи и в то же время словно невесомы. Можно сказать, воздушны – так решил для себя молоденький еще Кудурру¹¹, когда вместе с отцом в первый раз объезжал Ниневию. Сразу видно, сооружали укрепления знающие и разумные люди – они как бы играючи надели на обширный скалистый выступ подобающий ему царственный венец. Внешние укрепления представляли собой несколько рядов стен и рвов, пересекавших пойменную равнину. Подобраться к ним с осадной техникой было невоз-

⁹ Верхнее море – Черное и Средиземное моря, которые в древности полагали одним морем. Нижним морем называли Персидский залив.

¹⁰ Сарак (Син-шар-ишкун) (? – 612) – последний царь Ассирии, сын знаменитого Ашшурбанапала.

¹¹ Так сокращенно звучит имя Навуходоносор.

можно. Кроме того, выше по течению Тигра и Хусура, с северной стороны, были устроены плотины, открыв которые можно было напрочь залить восточную и южную стороны периметра водой. Эти плотины халдеи заняли в первую очередь, подобрались к стене, и все равно оба штурма с позором провалились. Правда, даже беглый взгляд замечал, насколько оборонительные сооружения пострадали от времени. Местами кирпич осыпался, обнажились трещины, зубцы поверху почти все были поломаны. Что из того – крепость стояла крепко! Как заметил раб-мунгу¹² в войске Набополасара Нинурта-ахиддин, начальник боевых колесниц, идти на приступ Ниневии, все равно что биться головой о финиковую колоду. Ее можно взять только измором.

– Ага, измором... – покивал погрузневший Набополасар. – Сколько прикажешь ждать? Месяц, год, два?.. У нас время есть?.. Чем армию кормить? А у этих, – он указал рукой в сторону крепости, – всего вдоволь.

Сам Сарак время от времени появлялся на стенах в виду вражеского войска, обложившего крепость с трех сторон. За ним несли знамена, выпелы, значки ассирийских отрядов с изображением стреляющего из лука бога Ашшура. На штандартах, принадлежащих отрядам отборных, небесный стрелок громоздился на спинах волка или дикого осла. Следом топали высшие военачальники – все в бронях, под личными стягами. Здесь рисунок ограничивался изображениями львов, волков и неукротимых диких быков и онагров¹³... Вопль тогда на укреплениях поднимался несусветный, того и гляди обезумевшие от прежней славы и выпитой крови ассирийцы бросятся на врага, посмеявшегося посягнуть на святое святых – на власть Ашшура над миром.

Эти шествия добавляли уныния в стан халдеев и мидян. Если бы, как в дурном сне, явилась хотя бы малюсенькая возможность отступить от Ниневии или выманить ассирийцев в поле, Набополасар ни секунды не колебался и убедил бы Киаксара отойти. Тот успел проникнуться доверием к этому лысому вояке, тридцать лет проведенному в строю, хитрому, как лисица, и упрямому, как верблюд, но, к сожалению, такой возможности не было. Струна была натянута, и песнь должна была прозвучать – третьего не дано. Чей гимн услышат боги, чьи пленники отправятся прочь с нажитых мест, чьи женщины, угоняемые в плен, задерут подол, кто мог сказать!.. Так и побредут сквозь строй победителей, обнажая срам. Попробуй только хотя бы до колен приспустить край нижней рубашки – удар бича сразу вразумит строптивую двуногую добычу.

– Времени в обрез – вот что смущает, – повторил Набополасар и, сняв шлем, почесал густой шерстистый затылок. Волосы у него на затылке, как у молоденького – с редкими искорками седины, густые, курчавые. Навуходоносор, затаив дыхание, следил за его пальцами, прошедшимися по завиткам и на мгновение замершим. Затем отец осторожно и тщательно обтер лысину, вскинул подбородок и неожиданно дрогнувшим голосом продолжил:

– А стены у них на этом направлении и в самом деле совсем дрянные. Никуда не годятся... Асфальтом они их промазывали или клали просто так, из сушеного кирпича?

– А я что говорю! – воскликнул стоявший рядом и поигрывающий плеткой Киаксар. Он свободно изъяснялся по-аккадски, по-арамейски тоже кумекал. – Нам бы только подтащить к ним пару таранов...

– Э-э, великий царь, – скривился Набополасар, – забудь ты наконец про тараны. Толку от них чуть. А вот от твоей и моей конницы...

Киаксар засмеялся.

– Что ж, прикажешь им на стены прыгать? – рявкнул он, оборвав смех.

– Зачем на стены, – отозвался отец. – Стены мы сметем. До основания.

¹² Раб-мунгу – высокий военный чин в армии вавилонян.

¹³ Онагр – дикий осел.

- Чем же мы сметем? Молитвами?.. – хмыкнул Киаксар.
- Зачем молитвами. Водой!..

С того апрельского дня лагерь осаждавших залихорадило. Все делалось скрытно, по ночам. Большая часть армии была отведена за ближайшие увалы, оставшиеся жгли костры на прежних местах, арамейская и скифская конница постоянно дефилировала вдоль стен, показывая, что союзники готовятся к последнему штурму, а в тылу с помощью согнанного местного населения на месте прежней невысокой запруды, за которой копились воды Хусура, возводилась гигантская, в три человеческих роста, плотина. Все шло в ход: редкие деревья, валуны скатившиеся с предгорий, глиняные кирпичи, которые обжигали вне пределов видимости из крепости, хижины местных крестьян, которые, в общем, не сопротивлялись реквизициям, потому что Набополасар приказал платить за снесенные дома. Пусть гроши, но это было лучше, чем ничего. Местных страшила сама мысль о победе Сарака – их тогда бы за пособничество халдеям и мидянам не помиловали. Те, что веками сидели в Ниневии, сильные и жестокие, пощады не знали. А халдеи?.. Что с них взять, с халдеев, – грабить, конечно, грабили, но меру знали, за все платили, а если кто без спросу, тому вмиг войсковой палач руку оттяпает.

Бум – бум-бум-бум... Бум – бум-бум-бум...

В тишине, сгустившейся над полем сражения, над стенами Ниневии, эта дробь ничего, кроме раздражения не вызвала, однако Кудурру помалкивал, терпеливо ждал, когда отец даст сигнал к разрушению плотины.

* * *

Сон окончательно оставил Навуходоносора. Ныло пораженное в молодости стрелой правое плечо. За оконными проемами шуршал дождь. Нежданный, в самый канун Нового года... Как теперь верховный жрец проследит за движением небесных светил? В комнате было сыро – не спасали многочисленные жаровни, расставленные вокруг ложа, ни благодать и тишина, овладевшие дворцом.

Шел первый час первой ночной стражи, называемой стражей мерцания¹⁴. Яркими отсветами ложились на расписанные стены царской спальни отблески огней – за пределами городских стен Вавилона было построено множество печей, в которых день и ночь обжигали кирпичи, изразцы, напольные плиты, посуду. Вавилон строился и строился... Это давало радость. Жизнь давала радость! Только память теребила, да разве что мысли о незавершенном. Удивительное дело, о, Мардук, предвечный, неделимый, ты хранишь таблицы судьбы, свет твоей славы освещает мой путь, но все, чего я добился, создано моими руками. Пусть даже по твоей воле!.. Так зачем же испытывать меня мыслями о несделанном? Ты, пронизавший своей плотью небосвод, твердь и подземные воды, создатель всего сущего, зачем

¹⁴ Сутки в Вавилоне начинались с заходом солнца и состояли из дня и ночи, разделявшихся на стражи: 3 ночные стражи – от захода до восхода, и 3 дневные. Стражи делились на «половины», называвшиеся беру или двойными часами. Каждую «половину» в согласии с шестидесятиричной системой счета составляли 30 «шестидесятых», каждая из которых была равна нашим 4 минутам (это очень мелкая единица времени – в Европе минутная стрелка на механических часах появилась лишь в XVI в.). Продолжительность дня и ночи была равно только во время равноденствия. В соответствии с сезонными колебаниями продолжительности светового дня изменялась и продолжительность дневных и ночных страж, а следовательно, и двойных часов, и «шестидесятых». Равные единицы времени отсчитывались с помощью клепсидр (водяных часов). Вес вытекающей воды измерялся в минах и сиклях: 1 мина (очень приблизительно) соответствовала одной реальной страже. Днем время (по Геродоту) измеряли солнечными часами. Кроме того, в Вавилонии существовали особые таблицы, вырезанные на четырехгранных призмах, колонки цифр на которых отмечали продолжительность дня и ночи в разное время года, измеренную реальными, «равными», часами.

постоянно напоминаешь мне об итоге всяких усилий? Зачем запугиваешь снами, навеваешь мысли о пределах, до которых мне никогда не добраться? Нагоняешь дрему-мечту о молодости. Мне не жить вечно, не войти мне, как Гильгамеш¹⁵, на небеса, но разве я мало сотворил? Кто до меня сумел обустроить землю, дать мир, выполнить завет отца – свести на землю покой и справедливость. Теперь они рука об руку бродят по дорогам, и в каждой хижине им есть место.

Небо, завешанное струйками дождя, внимало ему молча, равнодушно, словно позевывая. Царь встал, приблизился к оконному проему, глянул на сеть огней, которыми обозначались перекрестки в примыкающем к противоположному берегу Евфрата квартале. Кое-где было заметно средоточие движущихся огоньков – это ночная стража зажигала гаснущие факелы. Особенно обильно освещался центральный проспект, секущий город с севера на юг и с востока примыкавший ко дворцу. Это была знаменитая Дорога процессий – священный путь, ведущий к пирамиде, воздвигнутой на высоком кубичном основании. Там сквозь завесу дождя угадывался большой огонь. Там было жилище славного Мардука.

Или нет у тебя, о Мардук, земного вместилища? И быть его не может, как говаривал старый еврей Иеремия¹⁶. Твое царство, как убеждала меня незабвенная Амтиду, – свет!

Теперь и голос сгинувшего в стране Мусри¹⁷ пророка тоже вплелся в воспоминания.

«А Господь Бог, великий царь, есть истина. Он есть Бог живой и Владыка вечный. От гнева его дрожит земля, и народы не могут выдержать негодования его.

Так скажу тебе, царь: боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес.

Он...»

Словно вспышка озарила – Набу-Защити трон ясно увидел вздетый к потолку палатки перст старика... Какого старика! Иеремия тогда был в самом расцвете. Худой, костлявый. Длинный, но не гнулся, а как-то странно, всем телом, покачивался на ходу, то влево-вправо, то вперед-назад. Словно водил его хмель, словно не трезв он был, хотя ни вина, ни темного пива этот безумец в рот не брал. Пьян был от общения с Богом. Он так, шепотом, и признался Кудурру: Господь со мной беседует, не брезгует. Сам Адонаи... И при этом как-то глумливо подмигнул. Верь, мол, чти завет и он – снова перст уперся в верх шатра – не оставит тебя милостью своей.

Как же, не оставит... Это вам, худому племени, следует молить своего Господина о милости. То-то вы кирпичи для меня в предместьях Вавилона лепите и обжигаете, а когда кого-то из вас зовут во дворец, так вы на брюхе ползать готовы.

Следом в сознании вновь зазвучали слова старика.

«Он сотворил землю силой своей, утвердил вселенную мудростью своей и разумом своим распростер небеса»¹⁸.

Вот, о Мардук, на всю жизнь запомнил. Но разве так наказывают? Несделанным, памятью, сомнениями в итогах?..

Царь вернулся на ложе, прикинул – может, вызвать наложницу? Пусть погрееет. От этой мысли стало совсем скучно. Стоит ли тратить последнюю мужскую силу на лстящую евнухам, ведь завтра Новый год и ему, любимцу богов, Навуходоносору, повелителю земли и воды, через двенадцать дней нескончаемых торжеств придется сочетаться браком с верхов-

¹⁵ Гильгамеш – герой цикла эпических сказаний. Эта поэма на сегодняшний день древнейший свод, создание которого относится к III тыс. до н. э. Впечатляюще само название поэмы – «О все издавшем, со слов Син-лике-уннинни, заклинателя».

¹⁶ Иеремия (более правильно Йиремьяху) – один из четырех, так называемых «великих» пророков (Амос, Исайя, Иеремия и Иезекииль) идеальный образец народного трибуна и печальника. Родился около 650 г. до н. э.

¹⁷ Мусри – Египет.

¹⁸ Иеремия, 10; 10,11,12.

ной жрицей. Попробуй не исполни обряд, сразу шушукаться начнут. Это гнилое жреческое семя так и ждет, когда можно будет оседлать немощного царя, накинуть ему на шею ярмо, припугнуть гневом богов, а что они, боги? Вырубят дерево в лесу, обещут его руками плотника, покроют серебром и золотом, прикрепят гвоздями, чтобы не шаталось... Все это дело людей искусных, не более того, а душа просит истины. Объяснения... Вот и вся правда.

Зябко, заснуть бы. Вот кто храпел, как дикий осел, так это его тесть, Киаксар.

Ниневия пала в одночасье. Стояла тысячу лет, а стоило подтолкнуть, направить на нее гнев реки – и стены рухнули. Будто колосс на глиняных ногах!.. Мало кто верил в удачу, даже стража из полка отборных, то и дело озабоченно поглядывала на стоявшего навытяжку возле своего шатра Набополасара. Тот и команду ломать плотину дал как-то неуверенно – вскинул руку и, подождав немного, махнул.

Давай!

Вода пошла лениво, только возле второй преграды, у самого выхода к крепости, вдруг встала на дыбы, закрутила весь собранный по пути хлам и с ходу смыла передовую, уже совсем полуразрушенную стену.

Воины, приготовившиеся к штурму, настороженно замерли, подались вперед. Киаксар соскочил с барабана, вскинул руку к глазам... Напора хватило, чтобы одолеть и вторую стену. Оплывшая глиняная гряда расползлась как снег под лучами солнца, со стороны крепости донеслись отчаянные вопли боевого охранения ассирийцев, стороживших подступы в главной стене. Наконец поток лизнул башню, возведенную над проемом, сквозь который в город проникал Хусур. Вопли осажденных стали громче, отчаянней. Вдруг башня накренилась и неуверенно поползла в сторону, затем осела и взбесившийся поток ворвался в город.

Войско халдеев и мидян ахнуло враз, словно единый выдох вырвался из десятков тысяч грудей, обратился в вскрик, свист мидян и улюлюканье кочевников, гром барабанов, вой боевых труб, жутких криков бросившихся вперед воинов из вспомогательных (саперных) отрядов, тащивших тростниковые фашины и циновки. Их бросали в грязь – вода в пойме уже схлынула. Набополасар с необыкновенной резвостью подскочил в главному барабанщику, стоявшему с поднятыми вверх палками – их концы были обмотаны кожаными ремнями, – и с ходу врезал ему в челюсть. Тот мгновенно очнулся, поморгал и с некоторым, даже величавым, достоинством ударил в грудь барабана.

Бум – бум-бум-бум. Бум – бум-бум-бум... Тут же эту дробь подхватили соседи, заверещали халдейские и мидийские трубы и флейты – наконец, вся эта какофония сплелась в ритмичный боевой призыв. Тот полетел над полем, и халдейская тяжелая пехота, сминая тростниковое подножье, ринулась вперед. По соседнему, тоже заваленному тростником проходу двинулась мидийская конница. Навуходоносор умоляюще взглянул на отца.

– Иди! – судорожно кивнул отец, и наследник престола во главе преданного ему клина, уже сидевшего на конях, помчался вперед. Копье держал острием вниз – оно было увесистое, оковано бронзой, копье Навуходоносора.

– Рискуешь жизнью наследника? – спросил Киаксар.

– Боги рассудят, – пожал плечами Набополасар. – Если его во время штурма не будет в рядах атакующих, как он сможет защитить трон.

Глава 2

Пленных в Ниневии взяли немного – только знать. Пошуровали, конечно, в кварталах богатых купцов. Бойцы понатынули на себя роскошные ткани, увешались ожерельями, на руки и на ноги напялили массивные браслеты из золота, но погрома не было. Киаксар и Набополасар сразу договорились, чтобы армия простой люд не трогала, кроме тех, кто сам под руку подвернется. С этой целью вслед за наступавшими колоннами в город с задержкой на час вошли карательные отряды, пресекавшие всякие излишества со стороны победителей. Город решили стереть с лица земли, людей расселить... Страна отходила под руку вавилонского царя, и Набополасар, насмотревшись за свою жизнь на зверства ассирийцев и их закономерный результат, строго-настрого запретил обижать простолюдинов.

– С вас хватит и храмовых проституток, – заявил он войскам.

Те недовольно заворчали.

– Можете бросить жребий на знатных женщин, – улыбнувшись, пообещал царь. – Но чтобы больше ни-ни...

Взяли город до полудня, а к вечеру Ниневия заполыхала. Тот костер, как сказывали, был виден за многие беру¹⁹ от погибавшей в дыму и огне ассирийской блудницы. Только дядя царя, Ашшурубалит²⁰, сколотив отряд из природных ассирийцев, входивших в состав царских телохранителей и городской стражи, вырвался из столицы и, с ходу переправившись через Тигр, скорым маршем направился на северо-запад, в сторону Харрана. Сам Сарак, обнаружив, что враг ворвался в пределы крепости, поджег свой дворец и бросился в огонь.

Зрелище захваченных в плен горожан никогда не доставляло радости Навуходоносору, но и жалости к ним он не испытывал. Собственно, на этот раз смотреть было не на что – сразу после взятия Ниневии всех знатных мужчин от пятилетних мальчиков до ветхих стариков тут же вырезали, а оставшейся мелкоте раздробили головы о стены родных домов. В колоннах пленных вели старух, уже не раз рожавших женщин, девочек. Всех, имевших ценность благородных молодых женщин и девиц уже давным-давно разобрали пехотинцы и всадники, а также царские евнухи, которые в первых рядах бросались за добычей, чтобы угодить господину. Хорошая ядреная девка, как часто, прищелкивая при этом языком, говаривал Навуходоносору главный писец его гарема Ша-Пи-кальби, чье имя означало «Тот, что изо рта собаки» (то есть подкидыш), молодой щекастый парень, охотно согласившийся подвергнуть себя оскотлению, – это дар богов. Кто в состоянии отыскать и доставить ее господину, того и следует осыпать милостями, ибо уважение к повелителю соразмерно с величиной его гарема. Наголодавшись в детстве и будучи проданным в дворцовые рабы, Шапу как-то признался молодому царевичу, что в поле только дурак согласится работать, как, впрочем, тачать сапоги, лепить горшки или варить пиво. Так ли уж велика ценность его яичек, если он, Ша-Пи-кальби, родился недоношенным, и в двадцать лет у него еще даже намек на шерстку внизу живота не было. Вся его сила, он постучал себя пальцем по голове, скопилась здесь. В этой тыковке, он еще раз постучал себя по виску, пощелкал языком, всякого добра навалом. Я могу быть твоими глазами и ушами во дворце, царевич.

Он странно рассуждал, этот раб, дерзко. Его корысть была понятна – он выбирал хозяина. Набу-Защити трон потыкал носком сапога в стену дворца и согласился.

– Попробуй, – потом, прищурившись, спросил. – Грамоту знаешь?

¹⁹ Беру – мера длины, около десяти километров.

²⁰ Исторические источники смутны на этот счет, но если он, что скорее всего, действительно был младшим братом Ашшурбанашлы и дядей Сарак, то полное его имя звучало так – Ашшурэтельшамэрсетиубалитсу. Он родился в 674 г., и в 612 г. был уже стариком.

– Если господин прикажет, я очень быстро освою ее, – ответил Шапу. – В десять лет родители продали меня «отцу школы»²¹, так что клинопись мне известна.

Кудурру купил этого раба у своего младшего брата Набушумулишира, назначил писцом гарема, в котором и девок то было раз, два и обчелся. Вот Набушумулишир, который был на пять лет моложе Навуходоносора, с тринадцатилетнего возраста из гарема не вылезал. Братишка был парень простоватый, но себе на уме и после того, как отец официально короновался и второй ребенок получил титул «царского сына», вмиг ощутил свою незримую родственную связь с богами, пропитался спесью и очень скоро стал знатоком дворцовых церемоний. В армии он появлялся наездами, только по приказу отца, что, в общем-то, случалось редко. Тот старался держать избалованного Шуму (так в обиходе называли царевича) подальше от государственных дел. Набополасар полагал, что в целях поддержания династии иметь в запасе наследника престола неплохо, но это не означает, что тот должен быть популярен в армии. Третий сын Набополасара – Набуушапшу – родился, когда Набополасар был уже в преклонном возрасте и как-то не принимался в расчет при наследовании власти. К тому же он боготворил старшего брата и позже всегда держал его сторону в спорах с Шуму.

Царь повертелся с бока на бок, сунул руку под щеку, закрыл глаза. Нарочито засопел... За сомкнутыми веками явственно проступил образ худого, полуразрушенного городишки, каким был Вавилон, когда отец привез его вместе с матерью, сестрой и прочими домочадцами в священный город. В ту пору Набополасар уже отложился от ассирийского царя, чьим повелением был назначен на место правителя и воинского начальника области, называемой Страной моря или попросту Халдеей. Было Навуходоносору в ту пору лет семь – маловато для зачисления в школу, однако Набополасар, не раздумывая, не обращая внимания на слезы матери, записал сына в местную эддубу и через день, оставив семью в Вавилоне, покинул город и отправился к осажденному его войском Ниппуру. Ученики встретили маленького дикаря настороженно, а кое-кто просто злобно. Особенно первый силач в начальном классе Набузардан. Тот сразу так и сказал – садись назад, халдейское отродье, и помалкивай!

Кудурру, не раздумывая, бросился в драку. В болотах на побережье, где Тигр и Евфрат впадали в море, сверстники не очень-то разбирались, чьим сыном ты являешься. А если заплачешь, посмеешь пожаловаться отцу, то еще и от него достанется. Первая драка в эддубе закончилась разбитым в кровь лицом, насмешками учеников и долгим до вечера сидением в устье сточной трубы. Вот уже где он дерьма нанюхался – на всю жизнь... Вечером, в поздних сумерках, пробрался домой. Мать, увидав маленького Кудурру, заохала. Отец поджал губы, пожевал бороду и ничего не сказал.

На следующий день Набу-Защити трон первым кинулся на обидчика. На этот раз разошлись вничью – вернее, «старший брат» растащил их и каждому всыпали по десять палок. Правда, наказанию подвергся только дикарек, отец школы, узнав о драке и отпущенном вознаграждении, за голову схватился. Бить Набузардана, внука главного эконома храма Эсагила, сына советника того же святилища, никуда не годится. А этого звереныша, обмолвился он по поводу отпрыска халдейского варвара, следует проучить. Старший брат поклонился в ответ и положенные десять ударов врезал Навуходоносору от всего сердца, как требовала справедливость, но чужую порцию завершил десятикратным поглаживанием по вспухшей рубцами, кровоточащей спине. Он всегда отличался редкой любовью к справедливости, его главный астролог Бел-Ибни, пусть будет благословенно имя его, а душа в поднебесье вволю напьется чистой воды.

²¹ Отец школы – директор эддубы (шумерское наименование), учебного заведения, где обучались дети горожан. Во времена Новоавассилонского царства грамотность была распространена достаточно широко. Это несмотря на то, что обучение было платное и плодами его в официальном порядке мог пользоваться только член сословия писцов. Если сказать проще – обладающий «лицензией»... «Старшим братом» называли учителя. Местное, идущее из шумерских времен название школы – «дом таблички».

В каком укромном местечке царства мертвых он занимается теперь счетом лунных месяцев и солнечных лет? Сводит ли механику мира, сотворенного Мардуком, к единой формуле, к единому календарю? Кого наставляет в умении пользоваться царственностью? Помнится, в начальной школе он ночь прожить не мог без наблюдений звездного неба, мечтал раскрыть божественную тайну хода светил. А может, старик все-таки попал в райский сад Ахуро-Мазды²², о котором с такой страстью мечтала Амтиду? Вот неумный... Царь вздохнул. Лица ушедших к судьбе россыпью поплыли перед ним – по большей части это были образы, дорогие сердцу: соратники, верные слуги, покоренные цари, которые уверовали... Припомнились поверженные враги: Иоаким из Иудеи, вздорный, мелкий человечиска, его преемник Иехония в обрамлении своих пятерых, трясущихся от страха сыновей, его дядя Седекия, которого Набу-Защити трон за бунт, вероломство и неразумие приказал ослепить; цари Дамаска и Хамата, прочая мелкота... Наконец явилась она, долгожданная... Амтиду, солнышко мое, радость сердца... Твои висячие сады до сих пор полны чудес, невиданные плоды привлекают туда толпы народа. Люди ахают, цокают языками, крутят головами, шлепают себя по щекам. Потом рассказывают сородичам, что в существование подобного чуда поверить невозможно, а оно вот, на берегу Евфрата, возвышается подобному удивительному зиккурату²³, в котором не прочь отдохнуть и небесные создания. Но боги, всезнающие боги, ответьте – почему они называют твои сады, моя Амтиду, садами злобной, хваткой до власти Шаммурамат?²⁴ Прошло чуть больше десяти лет, и они забыли тебя, моя светлокудрая Амтиду. В этом городе тебя никогда не любили. Им всегда была по сердцу эта вавилонская бестия Шаммурамат, ее они славили, о ней рассказывают небылицы. Будто она тоже дочь небожителей!.. Имя мое на устах у всех народов, населяющих землю, твое же, моя Амтиду, стерлось из их памяти. В том нет печали, любимая, я знаю. Рад, что не оставляешь меня по ночам, твой лик, обрывающий цепь всех сопутствовавших мне во цвете дней моих и ушедших в подземелья Нергала²⁵ спутников, – свет в ночи. Все равно, как только я подумаю, как потомки назовут твои волшебные сады, обида ложится на сердце!.. Лучше я собственной рукой обрушу их... О чем ты, любимая? Держать подальше от мыслей гнев и досаду сердца? Верно, разумная моя. Быть милостивым к Нитокрис?²⁶ Будь по-твоему... Как ты там, в райских садах всевидящего, всезнающего Ахуро-Мазды? Вкусна ли вода в неиссякаемом источнике, который бьет неподалеку от древа познания. Каковы на вкус Божьи груши и финики? Неужели лучше тех, которыми ты лакомилась в висячих садах?..

Полакомиться, правда, Амтиду довелось всего единожды, а сколько было радости... Навуходоносор кончиками пальцев ощутил прелесть ее гладкой, как страусиное яйцо кожи, взвесил тяжесть пышной груди – она быстро раздобрела, после первого же ребенка, его Амтиду, и оттого стала еще желаннее. Припомнился взгляд... Когда она по ночам смотрела на него, ее бирюзовые зрачки в трепетном свете факелов казались удивительными жемчужинами в створках раковины. Было в ее взоре некое завораживающее целомудрие... Она первая поведала Навуходоносору о рае – чертоге, доступ куда после смерти получают только праведно живущие, не жалеющие сил в борьбе со злом. Ее речи были Кудурру в диковинку,

²² Ахуро-Мазда – верховное божество зороастрийского и ахеменидского (иранского) пантеонов. Буквальный перевод – «Господь премудрый». Одно из двух начал мира – созидатель света, добра.

²³ Зиккурат – храмовая ступенчатая башня, на вершине которой обычно устраивалось святилище того или иного бога. Использовалась также и для астрономических наблюдений. Вавилоняне полагали, что именно звезды правят миром, именно в них воплощаются дух и сила. Астральный культ представляет собой ведущую составляющую в верованиях тогдашних жителей Месопотамии. Зиккурат в Вавилоне назывался Этеменанки, что значит «Дом – Основание Небес и Земли». Общая высота башни составляла примерно 96 метров.

²⁴ Шаммурамат – легендарная Семирамида.

²⁵ Нергал – бог Преисподней, супруг богини Эрешкигаль. Другое его прозвище – Эрра, бог чумы.

²⁶ Нитокрис (Нейтокрейт) – египетская царевна, которую Навуходоносор взял в жены во время победоносного похода вдоль Нила вплоть до нубийской границы в 586 г. до н. э.

она любила собак, благоговела перед огнем, сохла от тоски по родным горам. Она смеялась над обязанностью царя во время встречи Нового года провести священную ночь с верховной жрицей, этой высохшей от злобы и отсутствия детей каргой. Он и это прощал Амтиду. Ее сказки были удивительны, разумны и ошарашивающи, они смущали душу... Совсем, как бредни старого Иеремии или этого новоявленного ханаанского умника Даниила. Откуда они только берутся, эти доморощенные мудрецы, смеющие отвергать величие богов, составлявших силу и славу Вавилонии?²⁷

Навуходоносор не выдержал – вскочил с постели, оправил уже изрядно подбитую седinou, завитую бороду, приблизился к оконному проему. Потом торопливо окликнул.

– Рахим!

В спальню, позвякивая доспехами, вошел страж, стоявший с внешней стороны дверей.

– Проводишь меня наверх.

Тот промолчал, переступил с ноги на ногу, подождал, пока повелитель накинёт шерстяной хитон, возьмет резной посох, потом только первым вышел в коридор.

Рахим-Подставь спину некоторое время слушал тишину в коридорах дворца – изредка ее прерывало шипенье падающих с горящих факелов капель смолы. Наконец Подставь спину шагнул вперед, следом за ним двинулся и Навуходоносор. Выбрались на плоскую, утрамбованную крышу. Плитами была выложена дорожка вдоль зубчатой стены.

Дождь прекратился, но на воле было зябко и влажно. С полнотной стороны поддувал резкий пронизывающий ветер, ершил пламя светильников, осыпал водяной пылью лица. Тьма непроглядная лежала в той стороне, где на берегу Евфрата были устроены невиданные, возведенные на гигантских террасах сады, уступами возносившиеся к небу. Удивительное сооружение! Сколько бился над ним Бел-Ибни, сколько листов пергамента извел прежде, чем сообщил царю, что террасы следует возводить таким образом, чтобы верхний ярус равномерно опирался на нижний, иначе постройка завалится... Как устроить, чтобы равномерно, поинтересовался царь. Тогда Бел-Ибни нарисовал Кудурру округлый свод, подпертый четырьмя колоннами. Зрелище невиданное! Арки царь видывал, проемы в стенах подобным образом устраивали, но чтобы вот так, куполом!.. Ай да Бел-Ибни...

Нет, ничего в той стороне не видно, а огонь понапрасну висячих садах Навуходоносор жечь запретил. Яркими искрами огней читался мост через Евфрат, соединявший две части города. В преддверии праздника его украсили гирляндами. Мелькнула мысль – будет за что спросить с градоначальника, если к утру ветер сорвет и разметет цветы, сбросит венки в воду... От этой заботы стало тошно – Эа-нацир сейчас, конечно, не спит и в случае беды до восхода солнца наведет порядок. Если он, Навуходоносор, так уверен в Эа-нацире, зачем тогда нужен царь? Что случится с городом и землей, когда его, Навуходоносора, не станет? Кто присмотрит за людишками? Великие боги? Судя по свидетельству мудрых, живших до потопа, свары между богами случаются куда чаще, чем среди смертных. Один только Мардук, пекущийся обо всех, способен рассудить и утихомирить их.

Ветер швырнул в лицо горсть дождевых капель. Окаатило изрядно – Навуходоносор поморщился и махнул Рахиму: пора возвращаться. Спускались в том же порядке – сначала Подставь спину долго стоял у входа на лестницу, прислушивался, приблизив ладонь к уху. Потом понюхал струйки душного воздуха, которые тянуло снизу. Наконец, махнул рукой – можно следовать...

Навуходоносор неожиданно рассмеялся. Рахим удивленно глянул в его сторону, однако правитель махнул рукой – иди, не оглядываясь. Правителя вновь окаатило воспоминаниями. Явились в памяти вытянувшееся лицо Набузардана и нескрываеый страх в глазах главного

²⁷ Государство Вавилония в географическом отношении занимало южную часть Двуречья, в его состав входило семь городов.

подстрекателя и насмешника Нергал-Ушезуба, когда они узнали, что халдейский вождь, варвар Набополасар, тайно призванный вавилонянами в город, выгнал Кандалану из царского дворца, темной ночью в главном святилище с разрешения старейшин прикоснулся к руке Бела-Мардука и с этого мгновения взял власть в священном Вавилоне в свои руки. Вождь халдеев так и заявил гонцу ассирийского правителя – город Нина сам по себе, а священные Ворота богов сами по себе²⁸. Потом добавил, пусть их спор рассудит Мардук.

Это случилось спустя полгода после того, как маленького Набу-Защити трон привезли в Вавилон. Все эти месяцы они с матерью и домашними одни жили в городе, в родовом доме. Отец воевал где-то на юге. Время было беспокойное, сумрачное. После смерти Ашшурбанапала²⁹ в ассирийском государстве, куда на правах унии входил Вавилон, один за другим следовали мятежи и бунты. Вот и взрослые в доме трясущимися от страха губами делились ужасными новостями – мол, Набополасар отказался подчиняться новому царю, занял Урук и осадил Ниппур. В Вавилоне тоже было беспокойно. Все вполголоса говорили, что Ниневия зашаталась... Вновь воспрянули духом народы, по спинам и головам которых прокатывались волны ассирийских походов. Сколько их было, познавших тяжесть ассирийского меча, – урарты, хетты, мидяне, жители далекой Сирии, Каппадокии, эламиты, ханаанеяне, сами халдеи, наконец... Сыны Ашшура не знали сострадания – в первые годы империи, когда в среднем течении Тигра на трон сел Саргон II, его войско напрочь вырезало население на всех захваченных территориях. Рабов не требовалось, все, что требовалось для хозяйства, брали с бою – сокровища, съестные припасы, инструмент, серпы, весь товар, который купцы привозили из дальних стран. Разве что крепких мужчин сгоняли на строительные работы. Наследники Саргона вскоре на себе ощутили результаты звериной политики прежних правителей. Они сменили тактику – теперь захваченное население поголовно угонялось на новое местожительство. Даже в коренных областях государства, у слияния Тигра с Большим и Малым Забом, теперь редко можно было встретить чистокровного ассирийца – все больше и больше чужаков получали землю в пределах исконных земель и платили налог сильным и родовитым в Ниневии, Ашшуре, Дар-Шуррукине, Кальху, Арбелах, в городе бога Сина³⁰, Харране. Тем самым, как объяснил отец молоденькому Навуходоносору, правители Ашшура рубили сук, на котором сидели.

В армии теперь тоже большей частью служили наемники, и прежнее ассирийское войско, наводившее ужас на мир населенный – от Мидийских гор, до истоков Нила, – утратило навык побед.

Стоило власти Ашшура ослабнуть, как тут же последовал заговор Шамашшумукина, брата Ашшурбанапала, поставленного на царство в Вавилоне. В ту пору ассирийскому царю удалось справиться с мятежом, однако теперь, спустя двадцать пять лет, времена переменялись.

Власть в Вавилоне не в первый раз за эти полвека менялась в мгновение ока. Халдейские воины с помощью некоторых горожан и местного ополчения еще в мае принудили сдаться ассирийский гарнизон. Прежний царь Кандалану был изгнан «в поле» – так объявил ему Набополасар. Иди туда, халдей махнул рукой в сторону Ниневии и приказал закрыть ворота. Тем дело и кончилось – отец вновь отправился осаждать Ниппур, опять маленький Навуходоносор остался с матерью в пропитанном страхом и надеждами Вавилоне.

²⁸ Город Нина – Ниневия. Ворота богов или Небесные врата – Вавилон.

²⁹ Ашшурбанапал (Ашшур-бану-апли) – ассирийский царь, правил 668–635/27 гг. до н. э. В годы его царствования ассирийская держава достигла наивысшего могущества. Есть косвенные данные, позволяющие утверждать, что Набополасар служил у него военачальником.

³⁰ Син – бог Луны, первородный сын Эллиля.

Теперь, после торжественного прикосновения в руке Мардука и официального объявления о коронации, в город вошел большой отряд халдейских воинов. Тут же расставили караулы, вздернули нескольких мародеров, попытавшихся воспользоваться моментом. К рассвету настил на мосту, соединявшем обе части города, был наведен вновь. Как обычно с утра на рынках заголосили торговцы, открылись лавки, на узких улочках, затянутых рваными и закопченными полотнищами – под ними отчаянно пахло гарью – расселись медники, жестянщики, кузнецы. В гавани забегали грузчики-рабы, во всю мочь закричали менялы. Жизнь двинулась своим чередом, разве что женщины из бедных кварталов втихую, стараясь не привлекать внимания властей, начали скупать соль, сушеные финики и прочую долго хранимую снедь. Всякую тревогу, страх перед неизбежным старались спрятать поглубже, в самую сердцевинку мыслей. О том, что случится, если придут ассирийцы, думать не хотелось. Понятное дело, добра от ашшурской волчицы ждать не приходится. Всего полвека назад свихнувшийся на крови Синаххериб сжег город дотла, вывез статую Мардука, а жителей частью истребил, частью выселил во внутренние районы Ашшура.

Все суета сует. Скоро новоявленный халдейский владыка тоже уйдет к судьбе и утащит за собой всех, кто поспешит выразить ему преданность.

Кудурру, не ведавший о событиях минувшей ночи, как обычно собравшийся в школу, столкнулся с отцом у ведущих на улицы, обитых медью ворот, через которые можно было попасть на родовое подворье правителя племени Бит-Якин. Строение было обширное, высокое, со всех сторон глухие стены. Ни одного окна... Также, впрочем, были устроены и все другие жилища в Вавилоне. Идешь по улице в каменном ущелье, разве что ворота и свежевыброшенный мусор напоминают, что за стенами живут люди.

Отец был весь в пыли, все в том же помятом ассирийском шлеме, уже лысый, но в те годы куда более моложавый и въедливый. Был он непривычно весел, даже игрив – взял наследника за ухо, повел другой рукой и, указав на улицу, любовно сказал:

– Теперь это все наше, – после короткой паузы, уже посерьезнев, добавил. – Один в школу не ходи. У тебя будет про вожатый. Сегодня твой день. Воин вмешиваться не будет.

За его спиной, на площади и проулках перед домом, толпился отряд халдейских воинов – все в панцирях из нашитых на кожаные жилеты бронзовых полосок, с непривычными на вид мечами, в ассирийских шлемах с гребешками в виде серпов. Видно, уже успели пошуровать на воинском складе, смекнул Кудурру. Если все это теперь наше... Или стражу раздели... Он невольно, со страхом глянул в небо – как великий Мардук отнесется к поступку отца? В городе было тихо, пожаров не видать, воины тоже беспокойства не выказывают.

Отец школы сам встретил маленького халдея у ворот, тут же вертелся и Ушизуб, успевший доверительно шепнуть сыну нового правителя, что у Набузардана мать – дочь греха, что прижила она этого ублюдка в ту пору, когда его отец был в длительной отлучке. Кудурру искренне удивился подобной простоте и, храня в душе отцовское напутствие, поморщившись, сказал доносчику:

– Отойди, а? Не мешай!..

Первый час прошел в тревожном ожидании. Любопытствующих было хоть отбавляй, и когда Набу-Защити трон во время перерыва вышел во двор, там уже было полно учеников. Воин томился у ворот – сидел в тенечке и дремал. Наконец и увалень Набузардан спустился по ступенькам. Было видно, что он заметно робел, однако прошел мимо Защити трон и глухо буркнул:

– Что застрял на пути, халдейская вонючка. А ну брысь!..

Кудурру испытал облегчение – трусов он с детства терпеть не мог – и с истошным воплем бросился на обидчика. Тут же из дверей эддубы выскочил отец школы и бросился к дерущимся, однако бородатый халдей в кожаном панцире, округлой медной каске и с увеси-

стым копьём в руке преградил ему путь. Тот было дернулся, однако бородатый упитанный воин босой ногой наступил ему на носок плетеной сандали и потряс копьём перед перепуганным учителем.

– Стоять...

Отец школы вскрикнул от боли и в следующее мгновение, глядя на халдея, уважительно закивал.

– Я все понял, уважаемый. Все понял...

Набузардан отшвырнул от себя Кудурру, отскочил в сторону, принял оборонительную стойку и вдруг навзрыд заплакал. Навуходоносор опустил кулаки, подошел поближе и громко – так, чтобы все слышали, – заявил:

– Если не будешь драться по-настоящему, я прикажу от рубить тебе голову.

Набузардан завизжал, как загнанный кабан, и бросился на сына нового правителя.

На этот раз они тоже разошлись вничью. После окончания занятий Набузардан в одиночестве побрел домой, в Новый город. Дорога вела к Эсагиле, затем к лодочной переправе... Мальчишка шел, опустив голову, задевал босыми пальцами о стены домов, шаркал пятками о мощеную мостовую, вытирал глаза. Навуходоносор с сопровождающим – их жилище тоже располагалось на правой стороне Евфрата – некоторое время шагали за ним следом. Ушизуб вертелся возле маленького варвара, выкладывал ему все, что знал об одноклассниках. Воин, смутно разбиравшийся в аккадском диалекте, на котором разговаривали в Вавилоне, неожиданно огрел доносчика по голове древком копья. На лице у Ушизуба выписалось нескрываемое изумление, потом глаза у него закатились – он рухнул на плиты и распростерся ниц.

Воин взял Навуходоносора за ухо и поволок прочь.

– Не дело для маленького царевича выслушивать всякие пакости.

Телохранитель отца, сопровождавший его в школу, был первым, кто назвал его царевичем. Это слово наотмашь шарахнуло Кудурру по воображению. Если он царевич, то его отец, лысеющий молчаливый, себе на уме, больно хватающий за уши человек – царь?! Это значит, что он – любимец богов, их потомок, пришедший на землю, чтобы поддержать благоговение и страх в душах «черноголовых»? Он помазанник и властитель над душами смертных? Выходит, и он, Навуходоносор, сын Набополасара, имеет отношение к небесам, к могущественным Ану, Эллилю и Эйа³¹, а может, и к самому Мардуку?!

От подобной догадки свихнуться можно!..

Кудурру погрузнел. Город, так нелюбезно встретивший его, для начала руками Набузардана пустивший кровь, заставивший нюхать густое дерьмо, которое вавилоняне так обильно спускали вниз по улицам в канавах и глиняных трубах, – теперь предстал перед ним в новом свете. Должно быть, теперь каждый горожанин при виде его, будущего царя, обязан затаиться, склониться в поклоне и, ожидая решения судьбы, пасть на колени? Как уверяли в школе, перед царем даже облака должны были покорно замереть в небе, а солнце-Шамаш предстать перед ним в своем истинном облике брата и покровителя.

Он нуждался в знамении, в сиюмгновенном и непреложном подтверждении только что оброненных слов. В улыбке Иштар, кивке Мардука, убеждающем посвисте Нинурты.

Ничего подобного! Облачка, курчавые, свободно брошенные на небесную, округло синеющую гладь, по-прежнему дерзко взъерошенные, – равнодушно плыли в сторону, указываемую ветром. Плевать они хотели на юного царевича, потомка могучего Мардука. Впрочем, как и грузчики в гавани, прохожие на улицах, торговцы вразнос, как стайка голых

³¹ Ану, Эллиль, Эйа – триада верховных богов. Ану, повелитель неба – бог города Урука; Эллиль – владыка воздуха и земли (всего того, что находится между небесами и подземным миром); Эйа – повелитель пресных вод, владыка мудрости и хранитель человеческих судеб.

мальчишек, возящихся у основания полуразрушенной стены в густо-желтых водах Евфрата. Никто не обращал на него никакого внимания – трех-, четырехэтажные дома и не думали сгибаться перед ним в пояс. Река, как, впрочем, и перевозчик, вообще не замечала его, катила свои воды спокойно и невозмутимо. Прохожие в большинстве своем с робостью оглядывали вооруженного, высоченного роста и с огромным брюхом халдея. На мальчишку, шагавшего с ним рядом, никто не обращал внимания.

Может, он сдержил? Кудурру даже в дрожь бросило. Неужели оскорбил небожителей нетерпением, досадливой настырностью? Заладил – знамения, знамения!.. Ануннаки³² сами знают, когда громыхнуть громом в ясном небе или повернуть ветер. Соберись с духом, жди...

Первым ему – не воину! – поклонился жрец в Эсагиле. Здесь, по храмовой земле, вдоль священного пути вела дорога к мосту. Волосатый, в длинной хламиде, служитель Мардука, заметив бредущего рядом с варваром-халдеем босоного мальчишку на миг замер, затем в глазах жреца мелькнуло что-то похожее на догадку, и он тут же переломился в пояс. Это было так неожиданно!.. Даже шагавший впереди Набузардан, глотавший слезы и время от времени оглядывающийся на получившего весомую поддержку врага, остолбенел. Знакомый сирийский купец, повстречавшийся возле переправы на той стороне, уступил им дорогу и резво поклонился. Так цепочкой и побежало. Разносчик сладостей – верзила на втором десятке лет, до сих пор презрительно улыбавшийся при виде возвращавшегося из школы халденка и лениво предлагавший ему медовых фиников, – на этот раз словно ожил, затрепетал и, вытянув в подобострастном извине шею, осмелился приблизиться к божьему избраннику и пройти с ним рядом несколько шагов. Предложил отведать и того, и этого... Воин невозмутимо шарахнул его древком копья по нестриженной голове. Заулыбалась девица, посвятившая себя служению богине Иштар; завздыхал, глядя на мальчонку, старик купец, сосед, в войлочной шапке с красным околышем и теплом шерстяном хитоне. Пропустив сына нового владыки города, он некоторое время стоял, наблюдая за этой парой. Что творится во Вратах божьих, что за нелепое смешение времен? Сын варвара, узурпировавшего власть, беспардонно разгуливает по улицам. Ему бы следовало путешествовать в богато разукрашенных носилках, в сопровождении стражи...

Кудурру, шагавший по прибрежной улице Нового города, все видел, все замечал, даже Набузардана, обежавшего их проулками и теперь следовавшего сзади. Тот прятался за спинами прохожих и, словно зверек, выглядывал из-за уступов внешних стен домов. Что за сила лишила его воли, разожгла любопытство? Чья невидимая рука сгибала прохожих в поклонах, заставляла уступать дорогу? Это было удивительное превращение – облака в небе и те застопорили бег, утихомирился ветер, стены столбенели, узнавая в прежнем дикаренке вдруг объявившегося царевича. Кудурру едва не заплакал – это все были не знамения, а домыслы. Пусть боги откровенно укажут ему правду, пусть сотряснут землю...

Воин-халдей неожиданно дернул мальчика за плечо.

– Смотри-ка, – от ткнул пальцем в голубую высь, – сокол!

Откуда ему здесь взяться?

Мальчик вскинул голову – действительно в синем небе на уровне пятого яруса полуразрушенной Этеменанки³³, отчаянно клекоча, описывала круги пестрая птица.

Воин пристально осмотрел сына вождя, затем кивнул и добавил:

– Это хорошая примета, парень, – и погладил его по курчавой голове.

Навуходоносор остановился, глянул в сторону прятавшегося Набузардана – тот сразу бросился за выступ. Как доложил Кудурру всезнающий Ушизуб, мать строго-настрого запре-

³² Ануннаки – божества шумеро-аккадского пантеона, действовавшие преимущественно на земле и в подземном мире. Они определяли судьбы людей и были судьями в Преисподней.

³³ Этеменанки (Дом – Основание Небес и Земли) – название зиккурата (ступенчатой башни) при вавилонском храме Мардука в Эсагиле.

тила Набузардану дерзить сыну нового правителя, наоборот, выказывать ему всяческое почтение... Нергал-ушизуб довольно засмеялся.

– Теперь его поставят коленями на соль и не пустят на рыбалку...

Дождавшись, когда одноклассник вновь выглянет из укрытия, Кудурру окликнул Набузардана.

– Эй, подойди сюда!

Тот покорно побрел в его сторону.

– Ты когда собираешься ловить рыбу? Лодка у тебя есть? – и не дожидаясь ответа, спросил: – Меня возьмешь?

Набузардан кивнул и вытер глаза кулаком.

– Я пришлю гонца, когда буду готов, – добавил Навуходоносор.

Глава 3

К удивлению царя утро первого дня месяца *нисанну*³⁴ выдалось ясным, праздничным. Навуходоносор некоторое время лежал, подсунув руку под голову, прикидывал – наверное, перед рассветом он все-таки задремал, вот и пропустил момент, когда небо очистилось от туч, выкатилось солнце, омыло лучами выложенные глазурованным кирпичом оконные проемы. Окна спальни выходили на северную сторону, и глаза слепило от яркого сияния. Царь удовлетворенно прищурился – он любил свет, его обилие всегда радовало душу. Отблески лежали на коврах, поднятом балдахине ложа, золотили настенную штукатурку, обитую медью дверь. На душе было легко, невесомо. Ничто не теснило грудь, мысли вскользь касались прошлого...

В первый раз наблюдать прибытие в Вавилон ладьи с его покровителем Набу Навуходоносору довелось еще детенышем, с тех пор он больше других праздников полюбил встречу Нового года. Расписная лодка с высоченно загнутыми носом и кормой, с раскрашенным золотом, одетым в красные одежды деревянным истуканом, изображавшим бога мудрости, появлялась со стороны Борсиппы, соседнего с Вавилоном городка. Истукан ласково и бездумно глядел поверх толпы в сторону синеющей вдаль вершины Этеменанки. Начало весны в Двуречье – благодатное время. Кончались затяжные зимние дожди, поспевал урожай, цвели деревья. Толпа, сопровождавшая Набу и месившая грязь по обе стороны канала, была пестра, нарядна, в охотку славил бога гимнами... Ах, как слаженно, как сладко они пели!.. С каким ликованием поминали имя божье! Позже, в эту пору он осыпал Амтиду лепестками цветов гранатового дерева.

В первый же год своего правления, в месяц *нисанну*, сразу после подтверждения царских полномочий и торжественного целования руки Бела-Мардука в сокровенной целле отец занялся перестройкой Этеменанки. С тех пор как Асархаддон взялся за восстановление Вавилонской башни минуло почти два поколения – время брало свое. Вавилонская башня заметно оплыла. Планы у отца были грандиозные, все эти годы, когда велась долгая, на истощение, война с Саракком, он упорно, не щадя ни жителей, ни своего войска, ни тем более рабов, которых толпами приводили в Вавилон из захваченных у Ассирии провинций, срывал заметно оплывший земляной холм, пока не нашел закладной камень, давным-давно спрятанный в основании башни. Эту находку царь счел добрым предзнаменованием и на десятом году царствования, перед самым выходом в очередной поход, лично взгромоздил на голову полную корзину земли и побежал по сходням к огромной неглубокой яме. Следом за ним поспешал Навуходоносор, третьим семеня Набушумулишир. Всей семьей работали до самого вечера. На следующий день отец поднял войско, ушел с ним из города, а юному Навуходоносору все лето и осень, вплоть до наступления сезона дождей, пришлось таскать на спине корзины с землей.

Отец не очень-то церемонился со старшим сыном. Ни в детстве, ни в пору возмужания... Конечно, он испытывал к первенцу пристрастие – Навуходоносор вздохнул, выпростал руку из-под затылка, вытянулся на ложе – другого слова для подобной отцовской любви и не придумаешь, но эта нежная привязанность была напрочь переплетена с какой-то простоватой, крестьянской жестокостью. Набополасар был уверен, что ему лучше знать, что положено и что не положено наследнику, как с ним обходиться, чтобы его не испортили городские соблазны. В детстве он не ленился лично выколачивать из Кудурру вавилонскую «дурь». Когда царевич повзрослел, дело ограничивалось выкручиванием ушей и приказами

³⁴ Нисану – март – апрель.

ежедневно, от зари до зари, таскать землю, камни, высушенные кирпичи на взбухающую год от года вершину Этеменанки, утаптывать вместе со сверстниками землю, следить, чтобы богатые родители не подсовывали на стройку нанятых взамен своих сыночков мушкенум³⁵.

Другое не давало покоя... Как позже узнал Кудурру – впрочем, он и сам об этом догадывался – в начале мятежа отец не колеблясь использовал его в качестве заложника. Для того и перевез семью из Урука в Вавилон, в родовой дом. Долго Набополасар, вождь и ассирийский наместник Страны Моря³⁶, торговался с Советом граждан Вавилона об условиях совместного выступления против северного соседа. В те годы после смерти Ашшурбанапала, когда на ассирийских территориях возобладала смута и неустройство, когда в столице началась неразбериха с престолонаследием, каждый, кто мечтал скинуть ярмо со своей шеи, понимал, что тянуть с выступлением против центральной власти в Ниневии нельзя. Война ожидалась трудная, затяжная, на истощение, однако никакой другой возможности добиться победы Набополасар не видел. Если бы ему хватало воинов и средств для проведения подобного плана в жизнь, Набополасар непременно, совершив гадание, спросив звезды, бросился бы в авантюру – Навуходоносор был уверен в этом, но старый вождь Бит-Якин никогда не обманывался на этот счет: в одиночку осилить Сарака ему не под силу. Нужны союзники! В свою очередь, родовитые и сильные в Вавилоне, входившие в Совет граждан, крайне нуждались в опытном военачальнике. Желательно простоватом, недалеком. Предсказуемом... Которого потом, после победы, можно будет обвести вокруг пальца... С этой точки зрения вождь варваров с побережья подходил по всем статьям – военного опыта не занимать, знатен, все-таки из царского рода, образования никакого – даже грамотешки предводитель халдеев не знал – богов уважал и ни в каких предосудительно-безумных мечтаниях замечен не был. Они договорились быстро – сошлись на том, что обе стороны пойдут до конца, до полной победы и для обеспечения этого условия Вавилон передавал Набополасару под команду свое многочисленное ополчение и казну с правом распоряжаться ими как если бы вождь уже являлся избранным вавилонским царем, а Набополасар обязывался властвовать, не нарушая законов, установленных еще тысячу лет назад царем Хаммурапи, уважать традиции священного города. В качестве залога во избежание всяких недоразумений правитель племени якини должен был перевезти семью со всеми родственниками, домочадцами и клиентами в Вавилон, где им будет назначено достаточное содержание. Имелись в виду родственники, неспособные носить оружие.

Теперь становилось понятно отношение Набузардана к дикарю, выбравшемуся из болот устья Тигра. После того памятного дня, когда вождь Бит-Якин коснулся руки Мардука и был помазан на царствие, Набузардан близко сошелся с наследником. Они оба до смерти любили рыбалку, скачки на колесницах и верховую езду – причуду дерзкую, иноземную, непривычную для вавилонян. Дружок как-то откровенно поведал, какую ненависть, страх и отвращение испытывали в школе отпрыски достойных родителей к халдейскому зверенышу.

– Стоило только глянуть на тебя, ману³⁷ Кудурру, и пальцы сами в кулаки сжимались... – заявил он у костерка в ответ на вопрос, который давно мучил Навуходоносора. – Знаешь, как моя мать голосила, узнав, что Набополасара все-таки возвели на трон. Даже отец, бросивший в его пользу камень, и тот ходил мрачный. Лучше под руку ему было не попадаться. А как тут не попадешься, если он днями и ночами по дому шастал, сна не ведал. Голова трещала от затрещин...

– Но почему?! – изумился Кудурру.

³⁵ Мушкенум – иначе: «покорные» – держатели наделов, выделенных царем. Полусвободные люди, обязанные платить оброк в казну и служить в армии.

³⁶ Страна Моря – прибрежные области, где проживали халдейские племена.

³⁷ Ману – дружок, товарищ, обращение к близкому человеку или однообщиннику.

– Ах, ману Кудурру! Никто в городе не верил в победу над Ашшуром. Это же был колосс! – подросток многозначительно потряс руками в воздухе. – Но и жить под ними было невмоготу. Налогами задушили, караваны, идущие в Вавилон, грабили. Богов отнимали!.. Из Сиппара все их статуи вывезли. Все ждали беду, погром. Кто-то должен быть за это в ответе!

Кудурру поднялся и подошел к оконному проему. Ночной дождевой полив пошел на пользу Висячим садам. Вся искусственная горка была в цвету, особенно хороши были яблони, за которыми здесь требовался особый уход. Садовники-северяне в летнюю жару затеняли кроны, следили за каждым яблочком, пестовали их как детей. Вот почему плоды созревали удивительно вкусные, сладкие, с незабываемой кислинкой... Жаль, что Амтиду не успела попробовать своих собственных, выращенных под боком яблочек.

Как поступили бы с ним, с матерью, с Набушумулиширом спесивые вавилоняне, если бы отец потерпел поражение в решительной битве? Его бы точно продали в рабство. Мамаша того же Набузардана, жгуче-черная семитская красавица, не поленилась бы завладеть обидчиком своего Набузарданчика... Его мать закололась бы кинжалом, который постоянно, как и все женщины в доме, носила с собой. Таков был тайный приказ Набополасара. Шумулишир выжил бы – глядишь, выполз как-нибудь в писцы, завел бы контору, пробился по службе. Власти Вавилона держали бы его про запас, как возможного претендента на престол... В тот день, когда, таская землю, Навуходоносор осознал, какая судьба была уготована ему в случае поражения в войне с Ассирией, он невольно сверзился с подмостьев. Рухнул лицом в мягкую, еще не утрамбованную землю, которой заполняли полость храмовой башни. Вся молодежь, его сверстники, которые также несли свое бремя – исполняли священный долг, – побросали корзины, тяжеленные ступы, которыми уминали грунт, бросились к царевичу. Тот вдруг расхохотался – каким удивительно коротким показалось ему в тот миг расстояние от царственного величия до унижительной покорности раба. Не длиннее воробьиного скачка... Надсмотрщик, списанный из армии инвалидов, лишившийся левой кисти, ударами бича разогнал сопляков по рабочим местам. Бил, правда, по грунту, шелкал в воздухе – ума ветерану хватало, чтобы не портить шкуру сынкам богатых и знатных. Первым занял место в цепочке носильщиков общий дружок Кудурру, за ним побежали другие. Где они теперь, вздохнул Навуходоносор. Друзья уходят...

С той же бесцеремонной неожиданностью Набополасар женил сына. Никому, кроме своего личных *бару* и *макку*,³⁸ не обмолвился – видно, царь не особенно полагался на слово Киаксара. В первый раз дряхлеющий на глазах Набополасар открыл карты перед старшим сыном и выложил свое видение политической диспозиции, которая складывалась в Двуречье, после их первой серьезной размолвки, случившейся после взятия Ниневии и получения известия о том, что Ашшурбалит сумел прорвать на север, к Харрану... В числе прочих упреков Навуходоносор мимоходом поднял вопрос и о навязанной ему женитьбе – мол, следовало, как заведено в Вавилоне, спросить и его мнение. Отец невозмутимо ответил, что действовал исключительно в его же, Навуходоносора, интересах. Чтобы окончательно сокрушить Ассирию, Киаксар был ему необходим, но и терпеть мидийскую гегемонию в Двуречье, Сирии, Палестине и, если помогут боги, в Египте он не собирался. Игра шла крупная, разыгрывалось ассирийское наследство, в таком деле спешить нельзя. Сначала личная встреча, разговор с глазу на глаз, затем писанный на глине договор и только после этого установление родственных отношений. Бракосочетание наследника вавилонского престола с мидийской царевной должно было стать последним, напрочь скрепляющим гвоздем в политическом сооружении, которое должно было обеспечить будущее Вавилонии. Только в этом случае Навуходоносор смог бы защитить трон.

³⁸ Бару – профессиональные гадатели, макку – толкователи снов.

Но это случилось позже, а в ту пору Кудурру только-только стукнуло восемнадцать лет. Он уже два года шагал вместе с армией по дорогам Двуречья – бесконечным проселкам, мудрено петлявшим на равнине между Тигром и Евфратом, успел посидеть в окопах во время осады Ниппура, с боевым луком в первый раз вышел в поле неподалеку от канала Нар-Баниту. Первой же стрелой, к собственному, тщательно скрываемому изумлению, попал в цель – угодил точно в правый глаз бородатому ассирийскому всаднику, во главе многочисленного клина во весь опор мчавшемуся в атаку на линию халдейских щитоносцев, под прикрытием которых стреляли лучники. Тот так и кувырнулся с коня... Щитоносец, прикрывавший царевича, глянул на Навуходоносора и поморгал.

– Ну, парень, удачи тебе не занимать! Радуйся, у тебя на небесах есть могучий покровитель.

С того дня по войску поползло – глядите ребята, повезло нам с наследником, у него есть илану. Он «имеет духа»! Солдаты радовались, как ягнята.

В поход на древнюю столицу северян Ашшур Набополасар выступил с заметным опозданием. На помощь своему союзнику Киаксару, плотно обложившему священный город, не спешил. То и дело вызывал заклинателей, тербил жрецов, чтобы те повнимательнее сосчитали звезды, поглубже вникли в желания богов: достойно ли правоверному почитателю Мардука, Ану, Эллия и Эа принимать участие в уничтожении Ашшура, в осквернении его храмов? Чем это может обернуться для династии?

Войско встало лагерем вне пределов видимости погубленного города. Разведчики доносили, что Ашшур полыхает, как выходы напты на поверхность почвы. Эта кровь земли при возгорании всегда изрядно чадила. Чтобы многочисленным мародерам не повадно было отважиться на святотатство, Набополасар выставил на берегу Тигра усиленные караулы из отборных. Только повара могли забирать воду из реки. Уже с утра следующего дня по лагерю поползли жуткие слухи, что мидийские варвары осквернили храмы, принялись жечь все подряд, жрецов резали на месте... Узнав о подобных настроениях, Набополасар приказал зачитать воинам древний плач о гибели Вавилона. Там очень красочно расписывалось, как поступил Синаххериб с сородичами из священного, прославленного на весь мир города, как на вертелах поджаривали жрецов Бела-Мардука, как ассирийские воины грабили сокровища царского дворца, как сносили храмовую башню... Этого оказалось достаточно, чтобы унять тягостные настроения, овладевшие халдейским войском при виде гибнувшего Ашшура, вот только неприязнь к союзникам-мидийцам никто из воинов даже скрыть не пытался.

Когда Киаксар с группой мидийских князей прискакал в стан союзников, развалины на противоположном берегу еще дымили. Царь мидян был громаден до жути. Конь, носивший его, был подобен древнему чудовищу Хумбабе. В первый раз, встретившись с повелителем «северных варваров» (по-аккадски «умман-манда»), Кудурру с трепетным уважением приблизился к нему, даже рот открыл от изумления. Когда же Киаксар, соскочив с коня, хлопнул наследника вавилонского престола по плечу, Кудурру опомнился, сжал тонкие губы и смело глянул на предводителя мидян. Расправил плечи, вскинул голову...

– Славный парнишка, – одобрил Киаксар. – Я рад, что у моей Амтиду будет достойный муж.

Навуходоносор от удивления потерял дар речи. Его собираются женить? Почему же он ничего об этом не знает? Невеста, по-видимому, дочь этого великана со свисающими до груди усами, длинными редкими волосами, громогласного и хитровато-беспардонного?.. Таких умников, режущих «правду-матку», царевич никогда не любил. Варвар он и есть варвар – берет нахрапом... Если к тому же будущий тесть глуп и жаден, тогда совсем худо. Что можно ждать от дочери подобного чудовища?

К девкам у Кудурру отношение было сложное. Тело – оно, конечно, хорошо и приятно, но хотелось чего-нибудь покруче. Разговоров, например. С теми наложницами, которые купил ему Шару, было попросту скучно. Они были жадны до ласок, порой искренне скучали по объятиям Кудурру, но более всего страдали от отсутствия дорогих браслетов, перстней, колец, нарядных тканей, мягкой обуви, нехватки кипарисового, миртового, кедрового масла. Отсутствие же черной краски для подведения ресниц и бровей, зеленой – для наведения теней вокруг глаз, алой – для губ и щек, приводило их в ужас. Все заканчивалось скандалом, битьем писца Ша-Пи-кальби по щекам, плачем, воплями и докучливыми, нескончаемыми просьбами.

Услышав от царя мидян о том, что ему уже подобрали невесту, Навуходоносор первым делом бросился разыскивать Ша-Пи-кальби. Обнаружил евнуха в своем шатре – тот поедал сладости. Царевич по примеру отца сразу ударил его в ухо, опрокинул на пол. Тот поджал ноги, вскинул руки, закричал.

– Ай, чем прогневал, чем прогневал драгоценного? Ай, ума не приложу, чем обидел, чем досадил повелителю?..

Царевич взял себя в руки, устроился на корточках на полу, застеленному ковром, задумчиво спросил:

– А я ума не приложу, зачем тебя купил? Толку от тебя никакого. До сих пор ни одной стоящей женщины добыть не смог.

– Эх, господин, стоящую женщину разве евнухи добывают? Это уж как кому повезет, как на кого великая Иштар глянет, – уже совсем деловым, заинтересованным тоном заявил евнух. – Вам-то что беспокоиться...

– Как что беспокоиться! Отвечай, раб, знаешь ли ты, что меня собираются женить на мидийской царевне?

Лицо Шапу исказилось от страха, он выпучил глаза и, немного помедлив, ответил:

– Не буду врать, мой повелитель, это для меня новость.

Но посудите сами, разве у вашего отца можно что-нибудь выпытать. Он даже когда гадания устраивает и то только один его верный жрец знает, с какой целью ягненка режут.

Навуходоносор долго сидел, изучал матерчатую штопаную стену палатки.

– Хорошо, узнай ее имя, насколько дика, хороша ли собой, знает ли грамоту, каков нрав.

– Сделаю, господин, непременно исполню...

– И запомни, в следующий раз, если какая-нибудь важная новость пройдет мимо твоих ушей, ты будешь продан самому захудалому арендатору царской земли. Ясно?

Ша-Пи-кальби иступленно закивал.

– Я должен знать все, – веско добавил наследник трона. – Тем более причину, из-за которой совершаются гадания, любой запрос, обращенный к небесам, должен быть мне известен. Тем более ответ богов!.. Я должен знать обо всех разговорах, слухах, появляющихся в лагере. Ты должен быть в курсе всех секретов, которые прячут в головах приближенные отца, из чего сделаны амулеты, которые они носят за пазухой, какую пакость в них упрятали. Ты понял?

– Да, мой господин.

* * *

Праздничный выход царя Вавилона Навуходоносора, «смирненного, преданного великим богам и почитающего их, светлого князя-жреца, хранителя храма Эсагилы и Эзиды, сына Набополасара, царя Вавилона», – состоялся в полдень первого дня месяца *нисанну*, в тронном зале главного дворца. Сюда, к исполинским воротам, выходившим на священную Дорогу процессий, с раннего утра несли подарки, собирались послы и цари, увезенные в

почетный плен, либо прибывшие в Вавилон по повелению правителя. Здесь же толпилась местная знать, заметно делившаяся на две группы. Халдейские военачальники и высшие чиновники, называемые царскими *тупшару* и *сепиру*³⁹, держались отдельно от *эну* – старших жрецов многочисленных вавилонских храмов, ведавших обрядами, наблюдениями за звездами, календарями, сбившимися в плотную кучку с родовитыми князьями, а также с богатыми гражданами, входившими в состав храмовых советов. Купцы, посредники и землевладельцы, они из поколения в поколение занимали должности экономов и храмовых писцов местных святилищ. Эту группу возглавлял Итти-Мардук-балату, первосвященник храма Бела-Мардука. В сторонке со своими приближенными держался Нериглиссар⁴⁰, зять царя, женившийся на дочери Амтиду Кашайе, один из высших военачальников в вавилонской армии. За время последних походов и благодаря милостям царя он разбогател так, что мог позволить держаться в сторонке и от своих сослуживцев, и от местной, примыкавшей к храмам знати, причем и с теми и с другими он поддерживал самые добрые отношения. Тут же, в окружившей полководца свите, находился и его сын, молоденький Лабаши-Мардук, любимый внук Навуходоносора.

Наконец ударили в гонг – низкий, басовитый, мелодичный гул полетел над городскими кварталами. Дробно и торжественно зарокотали большие барабаны, установленные на крепостных башнях, охраняющих царский дворец. Стражи с завитыми бородами, в позолоченных доспехах, ударили копьями о щиты, обитые давленной медью – массивные, вызолоченные створки ворот дрогнули и принялись расходиться.

Шествие началось!..

Сначала приглашенные попадали на первый двор, ограниченный с юга и севера многоэтажными, тесно прилепленными друг к другу строениями. В них помещалась многочисленная орда великих и мелких чиновников-писцов, ведавших сбором налогов, строительством и ремонтом дорог, поставками в армию и прочими государственными заботами. В нижних этажах помещались дворцовые мастерские, главными из которых считались камнерезный и ювелирный цеха. Слава о стройных узкогорлых кувшинах из молочного алебаstra шла по всему миру. Получить это чудо в дар от вавилонского царя считалось в Сирии, Эламе, Палестине, Египте самой почетной наградой.

В западной стене, ограничивающей открытую площадь, были проделаны ворота – через них процессия начала вливаться на следующий, так называемый «малый» двор.

...Толпа полнилась, скапливалась перед третьими – главными – воротами, прорезанными между двух высоченных, прямоугольных, выступающих вперед башен.

Было тихо, на небе ни облачка. Отливала густой синью возвышавшаяся над стеной вершина Этеменанки – возможно, оттуда, с вершины, из своего святилища, во двор заглядывал сам Бел-Мардук. Легкий ветерок накатывал с реки, шевелил алые, расшитые серебряной нитью полотнища, укрепленные на поперечинах шестов, установленных на башнях. Шесты

³⁹ Писцы-тупшару, владеющие клинописью, составляли особое сословие в Вавилоне. Часто высшие государственные должности так и назывались – «писец – хранитель документа с печатью», т. е. канцлер; «писец дворцового гарема» – старший евнух; «писец сокровищницы» – казначей; «писец мастерской по изготовлению ковров», «писец гавани», «писец ворот» и т. д. Они в качестве чиновников-контролеров отвечали за тот или иной участок. Термин тупшару в начале VI в. до н. э. уже начал выходить из употребления как старомодный, относящийся к эпохе «праотцев». Сепиру – писцы, знавшие арамейский и умеющие писать арамейской скорописью на коже или папирусе. Часто выполняли функции переводчиков. В описываемую эпоху область применения письма на глиняных табличках в обыденной жизни уже заметно сузилось. Также, впрочем, как и аккадский язык, исконный в Вавилоне, уже был значительно потеснен родственным ему арамейским. Все чаще и чаще в деловой переписке использовали кожу или пергамент.

⁴⁰ Его точное имя (современ. прочтение) Нергалшаррусур, годы правления 559–555 до н. э. – один из крупнейших военных и политических деятелей времен Навуходоносора II, богатейший землевладелец. Выдвинулся во время военных кампаний Навуходоносора. По происхождению халдей, судя по некоторым, не вполне достоверным источникам (Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический, М.: Мысль, 1971) родом из бедной семьи. В историю он вошел под библейским именем Нериглиссар.

поддерживали боевые царские штандарты – бронзовые диски с изображениями вавилонских драконов, символами Мардука и сына его Набу. Чудовища, называемые *муихушу*, были покрыты золотисто-красной чешуей, передние лапы львиные, задние – птичьи, вместо хвостов змей. Головы узкие, вытянутые, напоминающие морды охотничьих собак, украшены рогами, языки раздвоены... В основании башен возвышались изваяния крылатых быков в два человеческих роста с человеческими головами, шествующими в разные стороны. Головы были по-крыты круглыми, ступенчатыми шапками, лица набелены, бороды начернены и завиты в удивительно изящно нарезанные мраморные локоны. Немые стражи ворот молча взирали на замершую в почтительном благоговении толпу – смотрели пусто, поверх голов. Сколько их, двуногих тварей, прошло мимо них!.. Вновь раздался удар гонга, барабаны забили чаще, гуще. Створки следующих ворот дрогнули, в расширявшуюся щель хлынули лучи, разбрызгиваемые по миру солнцем-Шамашем. Слаженно запели хоры, выстроенные на крепостных стенах и на ступеньках, ведущих к тронному залу. Процессия двинулась в сторону, противоположную солнцестоянию.

Здесь, на третьем, открытом свету дворе, участники праздничного приема начали разворачиваться в сторону трех монументальных арочных проходов, ведущих в тронный зал⁴¹. Центральный, самый высокий, проем предназначался для высших должностных лиц государства и дальних родственников царя, низшие чины, сопровождавшие наместников провинций и высшую воинскую и служилую знать и не имевшие доступа в святая святых дворца, занимали места на ступенях. Правый проход предназначался для союзных властителей, левый – для поверженных царей и клиентов Вавилонии.

Главный двор и тронный зал представляли собой единый ансамбль и всегда были доступны свежему воздуху – проходы между открытым пространством и помещением, заключенным под крышу, никогда не запирались. Здесь было чем вздохнуть и от чего затаить дыхание – по весне на главном дворе, внутренние стены которого были украшены помрачающими рассудок рисунками на цветных глазурованных кирпичах, скапливалось столько света и целебных дурманящих ароматов, что у впервые увидевших это чудо начинала кружиться голова. Между величественными, оконтуренными резным мрамором проходами вырисовывались исполинские деревья: справа – дарующая жизнь *хулуппу* с позолоченными ивовыми листочками и вершинной пальметтой, собранной из драгоценных камней, слева – исполинский кедр, когда-то срубленный Гильгамешем в отрогах Ливанских гор. Кедровая хвоя – скопище радужных, посверкивающих на солнце нитей, – а также изгибистые ветви – даже ствол! – были усыпаны плодами, отведав которые человек обретал мудрость. В средней части ствола *хулуппу* была выложена фигура илу-хранителя нынешнего царя, а на стволе кедра красовалась его *ламассу* – богиня-покровительница. Первого благословлял на служение Навуходоносору бог писцов и хранитель таблиц судьбы Набу, вторую осеняла волшебным жезлом сильная Иштар, изображенная в образе Царпаниту, супруги Мардука. На груди у богини висела накладная пластина, представлявшая собой рогатый серп месяца с вписанным в него солнечным, перечеркнутым крестом кругом и восьмиугольными звездами – символами трепетной Венеры – поверху. Деревя, проходы, весь обширный, пропитанный голубовато-золотистым сиянием двор охраняли шествующие в разные стороны золотые львы.

Хоры на ступенях и стенах, окружавших дворец, грянули «Слався!..», и первые приглашенные вступили в зал. Здесь тоже хватало света и роскоши. Потолок был вознесен на неимоверную, не подвластную разуму высь, стены, слепившие глаза, были отделаны белым гипсом. Внутреннее пространство равномерно рассекалось чуть скошенными золотистыми световыми столбами – солнечные лучи свободно проникали внутрь через округлые отвер-

⁴¹ В этом зале спустя два с небольшим столетия македонская армия, воин за воином, прошла мимо постаментов, на котором был установлен гроб с телом Александра Македонского, скончавшегося 10 июня 323 г. до н. э.

ствия в крыше. Один из таких светоносных потоков падал на возвышение в гигантской, под самый потолок, неглубокой нише, где на троне восседал великий царь.

Глядя на подступающую толпу, Навуходоносор с любопытством прикинул – которым по счету был этот торжественный выход? Четвертый десяток уже разменял... Что поделать, годы идут, печаль произрастает, как трава по весне. В прежние времена на хорах, устроенных в правой стороне зала, собирались женщины. Амтиду не пропускала случая полюбоваться на нарядную толпу. Теперь там угадывалась египетская царица Нитокрис, навязанная ему фараоном Египта как залог вечной дружбы между Страной Реки и Двуречьем. Впрочем, если рассудить здраво, с той же целью отец вешал ему на шею и Амтиду. После гневного вопроса сына, на каком основании его, словно раба, держат в неведении, отец, не моргнув глазом, ответил:

– Так решили боги.

Наследник не сразу нашел, что ответить. Наконец заявил.

– Союз с Мидией не долговечен, и никакая свадьба не способна сохранить мир. Рано или поздно согласие рухнет!..

– Вот и пусть рухнет позже, чем раньше.

О чем здесь было говорить! Навуходоносор, вспомнив невозмутимое бородатое лицо отца, усмехнулся. Что в ту пору он, сопляк, мог противопоставить воле богов?

Кудурру выскочил из шатра, бросился к своей палатке, где возле коновязи отдыхал клин его телохранителей во главе с Набузарданом, гневно поправил чепрак, которым был накрыт его скакун, отвязал уздечку, перебросил ее через голову игреневого жеребца – все молча! – потом вскочил на него и, ударив пятками под бока, берегом Тигра помчался в степь.

Был полдень, месяц улулу, самая жара. Только возле реки, вдоль самой кромки воды, на быстром скаку ощущалось достаточно прохлады. Клин всполошившихся телохранителей растянулся далеко позади. Нагнать царевича отборные, все больше его сверстники и друзья, не решались, но из виду Кудурру не теряли. Все воины личной охраны были в панцирях, шишаках, украшенных птичьими перьями, с короткими скифскими мечами-акинаками, которыми приходилось больше колоть, чем рубить, так как удержаться на спине коня во время рубки было не просто. Горожанам искусство верховой езды вообще давалось с трудом. Свободно болтавшиеся ноги не давали точек опоры для уверенного замаха и мощного удара с оттяжкой. Только редкие всадники – те, кто был обучен скакать верхом, стоя на крупе лошади, – позволяли себе разить лезвием. Управление лошадью полагалось подлинным искусством. Если не считать северных кочевников – скифов и киммерийцев, а также союзников-мидян – конница, находившаяся в распоряжении царей Сирии и Ханаана, не говоря уже о стране Мусри, представляла собой род вспомогательных войск. Всадник был вооружен луком и стрелами, и, чтобы вести стрельбу, к нему был прикреплен другой наездник, державший лошадь стрелка под уздцы и управлявший ею на поле боя. Из древних, цивилизованных народов только ассирийцы и родственные им жители Вавилонии вполне освоили управление лошадью с помощью уздечки и ног.

Это были увлекательные воспоминания – Навуходоносору было сладко сознавать, что он первый, вопреки воле отца, заставил своих всадников сражаться в одиночку. Более того – в строю! Так посоветовала Амтиду... Усовершенствовал он и ассирийские луки, наконец-таки стрел стал отливать по скифскому образцу. Эти ограненные трех- или четырехлопастные бронзовые острия с втулками, куда всаживалась крепкая тростина, пробивали любой панцирь, а деревянные щиты им вообще не были помехой. В первый раз он применил луки новой конструкции во время сражения при Каркемише, чем немало посрамил кичившихся своим умением египетских и лидийских стрелков. Их луки в человеческий рост оказались менее дальноточными, чем его, с вставленной железной пластиной.

Между тем вспомнилось, как конь вынес царевича на широкую пологую вершину холма, северный склон которого еще был покрыт сочными, густыми травами. Сверху были отчетливо видны дымы, поднимавшиеся над догоравшей крепостью. На противоположный край луга – там, где россыпью голубели оросительные каналы, желтели нивы – неожиданно выехал всадник в мидийском колпаке. Некоторое время незнакомец рассматривал царевича – конь его, вороной, с роскошной гривой и длинным необрезанным хвостом, тут же начал щипать сытную траву, рядом приняла угрожающую позу огромная собака, из породы псов, которыми так дорожат пастухи. Всадник, развернув скакуна и отчаянно врезав ему под бока, бросился прочь. Навуходоносор зычно свистнул и, указав Набузардану на спасающуюся бегством цель, бросился в погоню. Клин телохранителей сразу развернулся редкой цепью. Перейдя на галоп, халдеи попытались было прижать чужака к берегу реки, но уже через несколько мгновений Набу-Защити трон почувствовал, что конь чужака настолько силен, что догнать его никому из его клина не под силу. Разве что загнать на орошаемые поля – там, в переплетении каналов, редко насаженных деревьев, на подмокшей почве можно попытаться сбить с чужака спесь... Он, еще молоденький в ту пору Набу-Защити трон, первым завопил от восхищения, когда неизвестный горец лихо одолел барьер из высаженных вдоль арыка кустов. С тем же неповторимым искусством мидянин перепрыгнул через главное русло. Навуходоносору и его воинам и в голову не могло прийти, что конь способен летать по воздуху.

Погоня продолжалась. Вот еще один гигантский скачок – и чужеземец перелетел на другой берег канавы. Собака вплавь, с трудом выбираясь из грязи, одолела широкую, в половину гара⁴² протоку. Так же, впрочем, перебирались через преграду и воины-вавилоняне. Чужак, заметив их робость и неумение посылать скакуна на препятствие, залился громким смехом, потом, дождавшись пса, вновь ударил коня пятками и помчался к мидийскому лагерю, чьи шатры уже отчетливо вырисовывались на противоположном берегу Тигра. Кудурру закусил губу, решил не отставать. Мидянин, разогнавшись, попытался с ходу одолеть заросли колючника и полосу воды за ним, но на этот раз коню не хватило сил перемахнуть на другой берег. Жеребец рухнул в жидкую грязь, всадник кубарем перелетел через его голову, шлепнулся в воду и остался недвижим. Собака, не в силах добраться до хозяина и защитить его, залилась отчаянным лаем. Набузардан, сумевший во время скачки догнать и удержаться возле царевича, уже приладил стрелу, чтобы пристрелить копошившееся в жидком месиве поганое животное, однако спешившийся Кудурру с укором глянул на него и спросил:

– Зачем?

Набузардан опустил лук. Подскочившая стража тут же начала спешиваться. Кудурру, не обращая внимания на злобно лающую собаку, полез в арык, подхватил упавшего союзника, поволок на противоположный берег, на сухую землю. Высокий колпак свалился у мидянина с головы – удивительно светлые, длинные, обильные волосы рассыпались у наездника по плечам. Воины, вслед за господином перебравшиеся на другой берег, столпились вокруг молодой женщины, молча принялись рассматривать редкое, вываленное в грязи чудо. Мидянка наконец пришла в себя, открыла глаза, тут же попыталась вскочить, однако охнула и, закусив губу, откинулась на землю.

– Нога? – спросил Кудурру и двинулся было помочь девушке, однако собака, сумевшая наконец перебраться на другой берег, ощерилась, зарычала и встала между ним и мидянкой.

В это время со стороны Тигра показался конный разъезд. Варвары на скаку развернулись цепью, опустили копыта... Набузардан свистнул, охрана тут же сплотила ряды и окружила царевича. Еще немного и схватки не миновать, однако девушка выпрямилась, что-то

⁴² Гар – примерно 5,9 метра.

решительно крикнула своим, погладила собаку между ушей, потом глянула на царевича и спросила по-арамейски:

– Почему так плохо держишься на коне?

– А ты научи, – усмехнулся Навуходоносор.

Девушка серьезно ответила:

– Научу...

Разве не сказка, спросил себя Навуходоносор, наблюдая за подарками, которые подносили к его трону и укладывали на ковры. Разве не воля богов свела их в тот день на берегу грязного арыка? У Амтиду оказался сильный вывих, она крепко расшиблась во время падения. Лекари настаивали на том, чтобы отложить бракосочетание, однако мидийская принцесса потребовала, чтобы обряд был совершен на следующий день. Старик Навуходоносор улыбнулся – видно, ей не терпелось научить мужа красиво, как природный наездник, владеть лошастью и преодолевать любые препятствия.

Она не смогла сдержать стон, когда он обнял ее. Дело было в роскошном шатре, который по случаю нашелся в гигантском обозе, который неизменно таскал с собой старый Набополасар. Ночь тогда выдалась до одури душная, невеста сильно потела, видно, ей было совсем невмogu. Но и сопротивления не оказывала, только вздрогнула, когда он прикоснулся к ней. Закрывает глаза, прикусила маленькую, чуть поменьше верхней, нижнюю губку... Кудурру оголил ее плечи и тут же замер – на руках, предплечьях, даже на сильной, необычно большой груди были заметны крупные кровоподтеки. В ту первую ночь он долго не трогал ее. Слушал всякие рассказы о том, как жить праведно, кто среди смертных в силах помочь человеку справиться с потребностью грешить. Разве могло тогда прийти ему в голову, что именно об этом, незавершенном сразу, о часах, которые они провели, сидя друг напротив друга, прислонившись к спинкам кровати, он теперь будет вспоминать с возвышающим душу блаженством и щемящей сладостью в сердце. Он сидел в ногах у справившейся со страхом и отвращением к мужчине Амтиду, смотрел на нее, красивую, под утро раскрасневшуюся, совсем освоившуюся, благодарную, – и, затаив дыхание, слушал рассказ о том, как попасть в царство Ахуро-Мазды и узреть вечный, животворящий свет.

Боги и на этот раз оказались милостивы к нему – ему повезло с первой женой, и этого везения хватило на груду добрых, прославленных по всем землям дел. Господь наш, Вседержитель Бел-Мардук понял и простил его, заслушавшегося историей о мудром пророке Заратуштре, первым разъяснившим людям, что есть добро и что зло.

Глава 4

В ту ночь, в брачном шатре, Амтиду поведала мужу о далекой родине – стране ариев, откуда ее мать и она сама была родом. Оттуда же когда-то нагрянули в приграничные к реке Тигру горы мидяне и фарсы.

Саму же Ариану и всю гроздь земель к востоку от Вавилонии – может, и само Двуречье – а также широкие степи, окружившие необъятное озеро с соленой водой⁴³, густые леса, по полгода засыпаемые снегом, небо и воду, семя и разум – одним словом, все, что мы видим и слышим, создал всемогущий Ахура-Мазда, отец Истины, прародитель Святого духа. Он извечно пребывал наверху, а повелитель тьмы и творец злого духа, медлительный в постижении, объятый страстью к разрушению Ахриман копошился глубоко внизу, во мраке. Все знал Ахура-Мазда, обо всем ведал – и о том, что придет час и содрогнется Ахриман, нападет он на царство света и смешается с ним. Вот и создал Господь творение...

Амтиду повела рукой, пытаясь подобрать слово на арамейском, какое именно творение породил премудрый бог, и тут же застонала от боли. Кудурру осторожно принял ее руку и положил на подушку, потом потребовал:

– Продолжай!..

Навуходоносор, оглядывая собравшуюся толпу придворных, изредка кивая тем, кого следовало удостоить вниманием, припомнил, как долго Амтиду ворочалась на ложе, пытаясь устроиться так, чтобы не ныли ушибленные места. Он подкладывал ей подушки, пока она не остановила его жестом – коснулась свежей, прохладной, вкусно пахнущей сеном ладошкой его волосатой, загорелой за время походов руки. Погладила... Он чуть сжал ее пальцы, она осторожно высвободила их, подняла руки и тоненьким дрожащим голоском попросила о благословении.

– Мазда, мудрый Властелин, дай мне оба мира в дар – мир вещей и мир души. Пусть напрягший слух услышит...

Она примолкла, дождалась, пока у входа в палатку не заскулил верный Зак, затем спокойно и обстоятельно, без всякой исступленности, чего больше всего опасался Кудурру, продолжила.

– Создал Премудрый бог творение... Три тысячи лет пре бывало оно в неземном, чудесном состоянии, занимая собой пустоту, которая отделяла свет от тьмы. Ахриман в своей преисподней не знал и знать не мог о существовании небесного предела. Когда же свет дошел до него, то дух бездны вскрикнул от ужаса и злобы. Пошел он войной на непостижимый свет, и чем ближе приближался, тем сильнее его охватывал страх.

Не выдержал повелитель тьмы тяжести истины и скрылся во мраке. Жаждавший добра Ахура-Мазда предложил мир духу разрушения, однако тот бесстыдно отверг добрую волю создателя. Тогда творец добра придумал уловку, чтобы избежать тягостной, не имеющей конца войны с тем, кого теперь называют Лжец или Даруж. Он сказал: «Пусть будет между нами девять тысяч лет и пусть будет между нами творение».

Премудрый бог знал, что три тысячи лет пройдут по его воле, три тысячи лет в смешении, когда воля Ахуро-Мазды и воля Ахримана сойдутся в пределах творения, три тысячи лет воля Ахримана будет побеждать, но наступит час последней битвы, когда властитель бездны будет лишен силы. Ахриман по своему неведению принял предложение. С тех пор видимое всего лишь поле, где сошлись в борьбе следующие истине и покорившиеся злой воле.

⁴³ Аральское море.

Навуходоносор усмехнулся, припомнив, как жутко ему стало в палатке. В сгустившейся, перемежаемой странными звуками тьме и думать было нечего о победе света. На какое-то мгновение он почувствовал неприязнь к женщине, которая угощает его страшными сказками в тот самый миг, когда им следовало бы зачать будущего повелителя Вавилона и прилегающего к нему мира. Однако он не решился нарушить молчание. Не сробел – нет... Просто замороженный увидел скудный проблеск в ночи – должно быть, менялся караул в лагере и кто-то неподалеку от шатра вновь зажег погасший было факел. Палатку неожиданно протянуло свежим предутренним ветерком, зашуршали стянутые льняной тесьмой входные полотнища. Громко, со сладким подвыванием зевнул Зак, которому Амтиду приказала сторожить вход в шатер. Кто-то тайный, дружественный, поселившийся в самой печени царевича уверил его, что зачатие наследника может подождать, куда интереснее проникнуть в тайну добра и зла.

– ...Шестым Ахуро-Мазда изготовил сверкающего, как солнце, первочеловека. Звали его Гайамарт, от него и идет родословная наших народов. Трудная ему выпала доля, наслал на него повелитель тьмы блудницу Джех, и вслед за тем, как прекрасное исчадие тьмы совратило первочеловека, сразил его Ахриман, но перед смертью Гайамарт выронил семя, и поглотила его земля. Когда минуло сорок лет, появился чудесный росток ревения, затем второй. Пошли ревеня в рост и породили Мартью и Мартянга. После того как приняли они очертания людей, Ахуро-Мазда просветил их: «Вы суть человеческие существа, отец и мать мира. Совершайте свои поступки в согласии с праведным законом и совершенным разумом. Думайте, говорите и делайте то, что хорошо. Не поклоняйтесь дэвам».

Не исполнили праотец и праматерь заветов Благого Духа, за что были жестоко наказаны – пятьдесят лет у них не было потомства. Наконец опомнились прародители и наградил их Ахуро-Мазда детьми.

Шло время, наступил срок править в Ариане мудрому царю Кавате. Тогда на земле каждому хватало удачи и счастья, благодатной земли и чистой воды, но радость от обладания обильным на урожай полем, свежим ветром, благодетельным огнем не бывает долгой. Наслал Ахриман на благодатную Ариану жестокого Афросиаба. Сгубил он Кавату, но и сам погиб от руки мстителя, царя Хосрова. Случилось это на берегу глубокого озера с солеными водами.

С той поры в мире нескончаемо длится война праведных, поклоняющихся священному огню, с неправедными – дэвами, или, по-вашему, демонами... Горе в том, что многие смертные просто не знают, в какой стороне искать истину, что есть добро и чистота. Так сказал Заратуштра, когда после долгого отсутствия вернулся на родину и на озеро своей родины. Он унес на чужбину свой прах, а явился с огнем...

Последние слова Амтиду произнесла совсем тихо, чуть шевельнув губами. В шатре наступила тягучая, примолкшая в ожидании рассвета тишина.

– Я понял так, – Кудурру первым подал голос, – что самый гнусный грех, который способен совершить человек, – это грех осквернения?

– Да... – вновь шепотом откликнулась мидянка. – Нет ничего страшнее, чем опоганить огонь, почву или воду нечистым.

– А вместилище Эллиля – небо и ветер, каким дышим, – ложью? Разве не так?

– Да...

В тусклых сумерках отчетливо проступило ее испуганное лицо, кровоподтек на плече. Она едва дышала, глаза были широко открыты.

– Что же мы ответим завтра на поздравления с будущим наследником?

Амтиду неожиданно громко, прерывисто вздохнула.

– Если будет мне позволено, супруг и повелитель, называть вас Кудурру – как обычно называют вас друзья, я бы хотела высказать желание...

– Говори, – после некоторой паузы откликнулся Навуходоносор.

– В племени, из которого родом моя мать, женщины издавна имеют большую власть, чем мужчины. Мать моя была в бою захвачена в плен, и Киаксар взял ее в жены. Он покориł наше племя, теперь мы вынуждены жить под пятой мужчин. Я не жалею, нет!.. Я знаю, ты, господин, имеешь право оттаскать меня за косы, набить по щекам, все равно я буду тебе верной женой и хозяйкой. Ты пришелся мне по нраву, я верю тебе. Не сочти мою просьбу странной или противной заповедям Ахуро-Мазды и тому, что сказал Заратуштра, но в нашем племени девушка в первый раз подпускает мужчину не иначе, как сзади. Так, утверждают мои сестры, совсем не больно. В этом нет ничего зазорного. Так любят друг друга кони, так подпускает к себе кобеля собака. Я в твоей власти, господин. Чтобы утром тебе не пришлось лгать, исполни мою просьбу. Сделай так, как поступают с женщинами-воинами моего племени побежденные ими мужчины. Я ничего от тебя не скрала – именно побежденные ими мужчины...

За пределами палатки стало совсем светло. Амтиду сидела, опустив голову. Тяжелая, вызывающая желание потрогать коса лежала на обнаженной груди.

– Я рад, Амтиду, что ты доверилась мне. Я готов исполнить твою просьбу, зная, какой смысл ты в нее вкладываешь. Тебе не больно будет перевернуться...

О том, что было потом, вспоминать не хотелось. Передать ли словами то возвышенное настроение духа и тела, которое он испытал, овладев Амтиду. Славная телица она была, ласковая, приверженная чистоте. Так ее научил Заратуштра? Честь и хвала мудрому старцу, который снял часть бремени с души человеческой, подсобил «черноголовым» в пути до могилы. Жаль, что судьба не одарила их сыном. Одних дочек приносила ему Амтиду. Выжила средняя, любимая... Сынок родился от второй жены, сирийской царевны, дочери царя из покоренного Дамаска. Она соблазнила его на пиру, который устроил ее отец по случаю пребывания в городе правителя Вавилона. Вот он стоит справа от трона, его первенец, царевич Амель-Мардук. Родственники из Палестины – мать его, Бел-амиту, была дочерью царевны из Урсалимму – так и крутятся вокруг него, смущают, талдычат о каком-то богоизбранном народе... Ни о чем таком ни мудрый Иеремия, ни тишайший пророк Иезекииль не возвещал. Бог Яхве отметил народ Израиля, здесь спору нет, он же и наказал его моими руками за пренебрежение заветом. Вот пусть иудеи очистятся, покажут усердие в прославлении имени Господа, тогда будет видно... Навуходоносор вздохнул, пристально оглядел Амель-Мардука. Здоровенный детина, ростом с отца, правда, умишком не вышел. В поле, во время боя, теряется, с решениями постоянно запаздывает... Не то, что Нериглиссар, женатый на любимой дочери. Внучок Лабаш-Мардук тоже удался, на лицо чистая бабка. Сообразительный... Жаль, что молод и неопытен, а то назначил бы его наследником. Нериглиссар и Набонид были бы у него советниками. Здесь же стояли и другие его сыновья... Всего их было семеро, включая Валтасара⁴⁴ от Нитокрис.

Навуходоносор обвел взглядом зал, где певчие и танцоры из цеха музыкантов готовили площадку для ритуального представления.

Что скрывать, ему почти всегда было хорошо с Амтиду. Редко, когда плохо, разве что в такие ночи, когда он напивался крепкого пива или являлся от сирийской плаксы или наложницы. Но это случалось не часто. Блуд не прельщал его, в этом он покорно подчинялся воле Ахуро-Мазды и тому, что говорил Заратуштра.

⁴⁴ Точнее – Белшарузур. Правил совместно со своим приемным отцом Набонидом. Именно этот жестокий сумасброд стал героем знаменитой библейской притчи о царе, на стене дворца которого вспыхнули огненные слова: «Мене, мене, текел, упарсин». Погиб во время штурма Вавилона войсками Кира Великого в 538 г. до н. э.

Во властолюбии или жестокости тоже пытался сохранить меру, хотя о какой мере может идти речь, когда дело касается этих грязных палестинских строптивцев или коварных, вечно сопливых египтян.

Интересно, что на этот раз подготовил писец цеха танцоров, какое придумал представление? Сумеют ли его умельцы придать яркость, вдохнуть душу в древние стихи, повествующее о мудрейшем из мудрых, о пережившем потоп и сохранившем человеческое семя Атрахасисе⁴⁵. Странно, иудей Иеремия называл его Ноем и утверждал, что этот праведник был родом из Ханаана. Вот уж чего никак не может быть, вздохнул Навуходоносор, так это переселения праотца всех аккадцев на берега Мертвого моря. Всем известно, что Атрахасис – потомок людей, слепленных из глины. Значит, он родом из Двуречья.

* * *

Помощник царя Набонид, его ближайший друг и советник, ближе других расположившийся к трону, настороженно посматривал на повелителя – пытался догадаться, какие дали царь осматривает сейчас мысленным взором. Сумел перехватить взгляд Навуходоносора, брошенный в сторону балконов. Выходит, его опять посетили мысли об Амтиду, этой дерзкой своевольной, ошеломляюще красивой, навсегда взявшей в плен печень властителя женщины...

Вовремя ли?..

Набонид почувствовал мгновенный, до головокружения, ужас неуместного святотатства, затем зависть и преклонение перед человеком, который в день тоски, в предстоящую ночь умирания великого Сина, когда последний след лунного месяца вот-вот растворится в небытии ночи; в преддверии страстей, ожидавших Господа нашего Бела-Мардука, готового отдать божественную жизнь, чтобы природа смогла воскреснуть, земля рожать, вода течь, свет воссиять, – способен с детским легкомыслием вспоминать сказки толстухи Амтиду о сражении созидательного света и ущербной тьмы, удаляться – пусть даже тайно, в сознании! – в кощунственные сравнения неповторимого, безраздельного владетеля небес, Господа нашего Бела-Мардука и непонятного, чуждого Вавилону Ахуро-Мазды.

Подобные дерзости были недоступны пониманию. Набонид частенько размышлял над этой загадкой и постоянно ловил себя на мысли, что его господину, царю священного города Навуходоносору, спасшему его от рабства в родном Харране, было доступно нечто такое, чего ему, исполнительному Набониду, никогда не отведать.

Что же было даровано ему, чего лишены были другие, окружавшие царя? Жажда знаний? Набонид и здесь шел по стопам повелителя – изучил все, что можно изучить. Проник мысленным взором в седую древность, попытался заглянуть в будущее... Пусть даже ничего не разглядел через завесу времени, но здесь, среди людишек, он прослыл мудрецом, которому доступны тайны души любого подданного великой Вавилонии.

Более того, по тайному распоряжению повелителя добросовестно собрал все материалы о жизни этого чудака Заратуштры, внимательно изучил их. Попытался раскрыть загадку странного бестелесного кумира иудеев Яхве, которого палестинские рабы неразумно почитают в качестве творца мира, а богов истинных, нависших над «черноголовыми», они отвергают. Что можно сказать по этому поводу? Жить праведно, конечно, замечательно, но кому-то на этой земле надобно и долг исполнять. С другой стороны, от подобных безумных идей кружилась голова. В каком же бардаке нам всем приходится жить, если на востоке, за горами

⁴⁵ Атрахасис («весьма премудрый») – имя или прозвище разных древних героев, в частности, героя, пережившего Всемирный потоп. Шумерское имя этого персонажа – Зиусудра, аккадское Утнапиштим, что означает «Я нашел жизнь». Название поэмы звучит так: «Когда боги, подобно людям».

Загроса идет бесконечная – гражданская? – война света с мраком, и никому не дано избежать призыва в этой схватке. На западе в свою очередь миром правит некая сила, своевольно наказывающая и своевольно разбрасывающая милости. Кстати, с милостями у этого еврейского Создателя негусто, все больше тычки и зуботычины. То ли дело родная Вавилония, где боги весело, в охотку, исполняют роль праотцев и до сих пор заботливо пекутся о смертных чадах. Стоило только по всем правилам совершить обряд, не пожалеть жертвенных животных и можешь считать, что удача у тебя в кармане.

Если бы все было так просто, с некоторым угрюмым, мгновенно прихлынувшим озлоблением, решил Набонид.

Никому и никогда в этой стране не приходило в голову назвать славного Навуходоносор мудрым. Царя это не обижало, хотя он не был так нарочито простоват, как его отец. Каким дурачком иной раз прикидывался Набополасар!.. Милостивый Набу, прости меня, грешного... Навуходоносор никогда не переходил меру, не требовал пышности в титулах, славословий своему имени во время праздников. С другой стороны, особенных почитаний от этих спесивых вавилонян вряд ли дождешься – что верно, то верно, и все равно после побед, расширивших пределы государства от моря и до моря, после стольких лет мира, процветания, после необыкновенных строительных свершений, установления справедливости, наконец, Навуходоносор мог бы потребовать себе прибавки к титулу.

Он и этого не сделал. Разве что приказал изучить родословную халдейских князей из племени Бит-Якин. Конечно, лизавший пятки царю Бел-Ибни очень скоро довел ее до легендарного Нарам-Сина⁴⁶, когда-то явившегося с небес и после смерти вознесенного на первое небо. Установлением происхождения, подтверждавшего родство с богами, правитель и ограничился...

Не внушал повелитель и леденящего ужаса, на который были щедры повелители Ассирии. Да, имя «Навуходоносор» вызывало трепет и тягостное ожидание неизбежной расплаты, но только у тех криводушных, кто испытывал злонамеренную тягу к предательству, коварству.

Трудно отказать правителю и в почтительности к родным богам. Какой храм может сравниться с величием и могуществом святилищ вавилонских богов. Побывал он, Набонид, возле алтаря этих мидийских огнепоклонников. Плохо заботятся они о прославлении своего Ахуро-Мазды! Да и Заратуштра оказался лишенным милости богов – срезал ему голову какой-то безымянный кочевник. А уж как он распинался, пытаясь научить варваров праведной жизни! Он не в укор это говорит, мудрости этому магу было не занимать, но где же богоизбранность? Почему этот светоносный Ахуро-Мазда так бестолково распоряжается жизнями самых верных и преданных ему людишек? Что осталось от этого злосчастного Заратуштры? Слова? Их есть и у него, Набонида, верного последователя лучезарного Сина. Станные люди, эти пророки, они пытаются словом обновить мир! Разве не наглядней действовать одновременно и словом, и делом? Истину необходимо подкрепить мечом, разве не так? Взять того же худущего пророка Иеремию, к которому Навуходоносор тоже испытывал слабость. Он, Набонид, присутствовал при всех беседах царя с этим то и дел впадающим в раж, начинающим всплескивать тонкими, как у скелета, руками иудеем. Иеремия позволял себе противоречить великому царю, спорить с ним. Когда старый еврей начинал упрямиться, настаивать на истинности того или иного понимания образа Вседержителя, положение становилось невыносимым, и Навуходоносор всегда в таких случаях вызывал Амтиду и его, верного Набонида. Каким образом этот старый еврей спелся с мидийской женщиной, тоже было трудно понять, ведь говорили они о разных вещах. Один утверждал, что Господь Бог

⁴⁶ Нарам-Син (Нарам-Суэн) – внук основателя первой аккадской (месопотамской) мировой державы Саргона Великого. О нем достоверно известно, что он именовал себя богом и носил корону в виде лунного серпа.

един. Он сотворил землю, человека и животных, которые на лице земли, и сотворил исключительно великим могуществом своим, простертою мышцей своей. Из ничего!.. Вначале было Слово, и это Слово им самим и оказалось. Ни больше, ни меньше... Небожителя сравнить с писулькой на пергаменте, с закорючкой на глиняной табличке, с шевелением губ!.. Каково?.. Как в это вникнуть?.. По мнению Иеремии и схожих с ним безумцев, не было ни косной, сонной Тиамат⁴⁷ – безликого, бездумно мешавшего свои воды существа. Ни распростертого над водами в вечной недвижимости Апсу! Ни детей их, Лахму и Лахаму, ни Аншара, ни Кишара? Ни великой, порожденной ими троицы богов: Ану-неба, Эллиля-земли и ветра, ни Эйа-воды? Один только святой дух! И отдал этот святой дух твердь небесную и твердь земную, кому ему богоугодно было. А угодно ему было отдать создание свое царю Вавилонскому Навуходоносору, рабу его, и даже зверей полевых и рыб речных отдал Он ему в услужение.

Выходит, не бог безумных евреев, а бог славных вавилонян сотворил мир, пусть даже все, о чем рассказывала Амтиду и иудейские пророки, потрясало. Ему, Набониду, не в чем лукавить перед самим собой – конечно, Бог един, имя ему Мардук. Его велениями и заветами живы «черноголовые». Силой небесной, силой Слова, сосредоточенной в Мардуке и светоносном сыне его Сине, светлой Луне, смертные влекутся к добру...

О том же твердила и Амтиду – борись с демонами, круши дэвов, тем самым откроешь себе путь в кущи небесные, в царство света. Твори здравую мысль, умное слово, доброе дело, и уменьшится в мире сила Лжеца-Даруза. Возрадуются огонь, вода, земля и корова созданиям твоим, людям будет лестно упоминать о тебе...

Так говорил Заратуштра!

О боги, вздохнул Набонид, как вы слепы в своих привязанностях, как обидчиво обходите верных и награждаете дерзких. Вот о чем умолчал старый иудей – он попытался скрыть имя Бога, ведь имя его – Мардук? Или Син? Эта тайна недолго оставалась тайной. Поскольку по приказу царя этого вечного склочника Иеремию нельзя было трогать, уже здесь, в Двуречье, на канале Хубур Набонид распорядился тайно отловить кого-нибудь из этих «пророков» и выколотить из него все имена и прозвища, которыми в их тайных пергаментах был поименован Создатель. Это было важно для поддержания порядка, выявления тайных замыслов и полноты царского архива. И, конечно, для подтверждения его, Набонида, провидческой догадки – не пытаются ли эти коварные иудеи скрыть истинное имя Бога? Тот тоже сначала дерзил, куражился, грозил гневом небес, когда же ему прижгли пятки и начали жечь волосы между ног, сразу раскололся. Так и выложил имечко... Яхве, Саваоф, Адонаи, что значит Господь, и много еще... Но ни разу, подлец, не обмолвился ни о Мардуке, ни о Сине. Даже пытался оспорить истину, которую он, Набонид, приоткрыл перед ним. Ну да простят его боги. Документ получился подробный, все в нем было описано в точности, что за ересь, откуда она пошла, кто проповедники. В случае чего делу моментально можно было дать ход. После недолгой отсидки он приказал выбросить старого еврея на улицу. За откровенность и желание сотрудничать его наградили свободой, освободили от работ на выделке кирпичей. Ну и какая беда, что он стар и искалечен, что соплеменники отвернулись от него? Пусть ходит по улицам Вавилона и добывает хлеб попрошайничеством – в священном городе никому не откажут в помощи. Так он, подлец, сознательно уморил себя голодом. Собаке собачья смерть, надо быть более сведущим в именах божьих.

⁴⁷ Тиамат, Тимту (букв. «Море»), мать Хубур (досл. «Река подземного мира») – древнейшая богиня, в конце концов ополчившаяся на поколение младших богов. По вавилонской версии, когда Тиамат решила погубить досаждавших ей, смущавших покой молодых богов, те упростили Мардука сразиться с Тиамат. Мардук изъявил согласие, но в награду потребовал власть над миром и всеми поколениями богов. Победив Тиамат, Мардук сотворил из нее землю и небо. Эти легендарные события излагаются в эпической поэме «Когда вверху».

Навуходоносор уловил вздох советника, с вершины трона глянул на него. Тот, почувствовав царственный взгляд, поднял к нему опечалившиеся при этом воспоминании глаза и чуть заметно повел головой в сторону балкончиков, где сидели женщины. Царь усмехнулся и кивнул, затем вновь обратил свой взор в сторону живописного действия, которое ставили певчие Иштар Урукской в присутствии повелителя Вавилона и его приближенных.

Писец цеха музыкантов на этот раз особенно постарался, отметил про себя Набонид. Место, где происходило ритуальное представление, было убрано коврами и цветными материями. Вокруг первоцвет – веточки цветущих яблонь – знают, чем тронуть душу царя! – букеты ранних роз, лилий, собранных в устье Евфрата.

Эта древняя поэма была особенно по сердцу гордячке Амтиду. В ее горной стране о потопе только слышали, здесь же, на равнине, боги смели всех людишек, созданных в помощь Игигам⁴⁸.

Между тем чтец в нарядном одеянии принялся с выражением, нараспев зачитывать строки из священного сказания о мудром и добродетельном Атрахасисе, пережившем потоп. Танцоры и мимы на возвышении начали оживлять события.

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины.
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, неподъемно бремя.
Семь великих богов Ануннаков
Принудили трудиться братьев Игигов.
Был Ану, отец их, владыкой верха,
Советником стал воитель Эллиль,
Понукать ими начал Нинурта.
Надсмотрщика поставил над ними – Эннуги.
Вот по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану приписано было небо,
Землю Эллилю они подчинили.
Вод засовы, врата Океана
В присмотр Эа они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Эа спустился в глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжко трудиться предписали Игигам.
Принялись те выкапывать реки —
Радость страны, каналы прорыли.
Стали Игиги выкапывать реки,
Жизнь страны, каналы прорыли.
Реку Тигр они прорыли,
Реку Евфрат они прокопали.
Трудились они в глубинах вод,
Жилище для Эа они возводили,

⁴⁸ Игиги – семья небесных богов, в каком-то смысле противостоящих родственным Ануннакам, другой божественной общности, действовавшей преимущественно на земле и в подземном мире. Ануннаки определяли судьбы людей (или «черноголовых») и являлись судьями Преисподней. Однако богом подземного мира полагался и Нергал, принадлежавший к роду Игигов. О том, как случилось, что Нергал (или Эрра – бог чумы) стал супругом богини Преисподней Эрешкигаль, повествуется в другой замечательной поэме «Когда пир устроили боги...».

Также Аpsу для Ану они воздвигли...
Десять лет они тяжко трудились,
Двадцать лет они тяжко трудились,
Тридцать лет они тяжко трудились.
Годы и годы они тяжко трудились,
Годы и годы в болотах топких.
Годы трудов они подсчитали.
Две с половиной тысячи лет
Они тяжко трудились,
Днем и ночью несли свое бремя.
Они кричали, наполняясь злобой,
Они вопили в своих котлованах:
«Где предводители наши? Жаждем увидеть!
Пусть отменят тяжкое бремя.
Где советник богов, воитель?
Пойдем отыщем его жилище!
Где ты, Эллиль, советник, воитель?
Пойдем отыщем его жилище...»

Глава 5

Вскоре после женитьбы Навуходоносор набрался храбрости и, подбадриваемый Амтиду, потребовал у отца должность *луббутума* – начальника отдельного отряда. Еще лучше, если бы Набополасар поручил наследнику взятие какого-нибудь города.

Навуходоносор, бездумно наблюдавший за представлением – в который раз он присутствовал на ритуальном действе, – усмехнулся. Как непохож был его разговор с отцом на бунт, поднятый неразумными Игигами! Полуголые мускулистые актеры, изображавшие утомленных богов, страстно потрясали кетменями, дерзко размахивали кожаными полосками, которые носильщики одевали на лбы и на которых крепились корзины с землей. Подбрасывали сами корзины – символы невыносимого бремени, возложенного отцами на плечи богов. Корзины, правда, отличались необыкновенно тонким, ажурным плетением, были украшены цветными лентами и гирляндами цветов... Амтиду всегда посмеивалась над подобными богами.

Они кричали, наполняясь злобой, Они шумели в своих котлованах:

Хотим управляющего увидеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый...
Пойдем отыщем его жилище!..
Ныне ему объявляем войну!
Сражение да столкнется с битвой!...»
Спалили боги свои орудья,
Они сожгли свои лопаты,
Предали пламени свои корзины.
За руки взявшись, они пошли
К святым вратам воителя Эллиля...

Приятно было наблюдать, с каким изяществом придворные актеры ломали свои лопаты, черенки которых были изготовлены из тонких, украшенных лентами, тростинок, как красиво рвали венки, как трогательно звучала музыка. На этот раз представление удалось, решил царь. Танцоры впечатляюще изобразили бурную страсть, ропот и возмущение, охватившие богов-тружеников. Их следует наградить.

Чтец с горечью в голосе объявил, а лицедей, изображавший Эллиля, обмякнув лицом, изобразил страх, испытанный богом, повелителем всего, что находится между небом и мировым океаном, на котором плавают твердь.

Нуску, советник, открыл уста,
Так говорит воителю Эллилю:
«Господин мой, что это лик твой бледен?
Почему ты сынов своих боишься?
Позови, и пусть опустится Ану,
Пусть Эйя предстанет перед тобой».

...Память охотно откликнулась на зов былого. Тот первый разговор повзрослевшего наследника с царем состоялся после падения Ашшура. Кажется, на третий или четвертый день после свадьбы, после оргии и раздачи подарков, принесения жертв богам Вавилона и

обряда почитания духа огня Арты, совершенном магами⁴⁹ в мидийском лагере, где побратались кровью брат Амтиду Астиаг и Навуходоносор. Случилось это в поздних сумерках, в палатке Набополасара, когда отец как обычно перед сном погрузился в сосредоточенное молчание, принялся перебирать четки, шевелить губами, а то и бормотать что-то про себя. Кудурру, с детских лет вынужденный частенько составлять отцу компанию в подобных, предшествующих завершению дня бдениях, тоже замер, готовый наконец потребовать причитающуюся ему долю власти.

Трудно сказать, молился в эти минуты старик-халдей или по-дружески общался с богами, наградившими его царством? А может, раздумывал над какими-то насущными государственными вопросами, чтобы потом с помощью внутренностей жертвенных животных получить подтверждение своим решениям? Или попросту отдыхал от дневной суеты?..

Кто знает?..

Отец до самой кончины не стеснялся в присутствии старшего сына сидеть на скрепленных ногах. Долгое время он и за сражениями наблюдал в той же позе. Устраивался на войсковом барабане, подтягивал под себя пятки и, тыкая пальцем то в одну, то в другую сторону, в того или иного начальника, начинал отдавать приказания. Только после того, как ему было позволено коснуться руки Бела-Мардука и он был награжден царственностью, на людях начал застывать по стойке смирно – видно, его приятель и ближайший советник, прорицатель Мардук-Ишкуни намекнул, что повелителю Вавилона не подобает в присутствии сановников сидеть на пятках. Следует отыскать более подходящую для занесения в анналы позу. В домашней же обстановке, среди своих, даже на троне, Набополасар, заметно постаревший после взятия Ашшура и заключения союза с мидянами, устраивался по привычке, при этом еще полулежа облокачивался на один из подлокотников.

Отбормотав, отец поинтересовался у сына, пришлась ли ему по нраву Амтиду? Какая она хозяйка, правда ли, что любит скакать на коне, и как теперь он, Навуходоносор, поступит с этим пристрастием? Стоит ли разрешать супруге наследника престола сидеть на людях, раздвинув ноги?

Сын ответил, что хозяйка она, по-видимому, будет хорошая, честь семьи не уронит, а насчет прогулок верхом – это очень способствует здоровью. Кроме того, честь семьи более поддерживается славой мужа, чем добродетелями жены, вот почему он просит присвоить ему звание военачальника-*луббутума* и выделить под его начало крупный отряд.

Выслушав Навуходоносора, старик пожал плечами и ответил, что такое серьезное государственное дело, как наделение наследника полномочиями военачальника нельзя решать без совета с богами. Он тут же вызвал Мардук-Ишкуни и приказал подобрать благоприятный день для гадания по поводу просьбы царевича.

Навуходоносор едва сумел сдержать гнев – сказала, по-видимому, отцовская выучка. Он поблагодарил царя и, получив разрешение, вышел из шатра. В сердцах выложил все Амтиду: и что Набополасар до сих пор считает его несмышленищем, и что всем известно, как он обращается со знамениями богов, что к старости он совсем обленился и его знаменитая осторожность теперь сродни самой беззубой нерешительности...

Действительно, то, как Набополасар относился к гаданиям на внутренностях и предостережениям звезд, то есть к самым недвусмысленным откровениям, которыми боги делились с людьми, – вызывало оторопь. Если Набополасар вбивал что-то в башку, он заставлял своих прорицателей повторять и повторять гадания, жрецов получше вглядываться в ночное небо и тщательнее считать ход светил. Если и в следующий раз гадания не прино-

⁴⁹ Маги – священнослужители в Мидии. По-видимому, выходцы из какого-то западно-иранского племени, в котором установилась теократия. Они монополизировали совершение обряда и поддержание культа Ахуро-Мазды.

сили известного только ему, царю Вавилона, результата, он отсылал гонца в Эсагилу и требовал от главных жрецов-сангу проверить чистоту подачи запроса небесам. В этом смысле он шел по пути прежних ассирийских владык, которые разделяли приближенных к трону жрецов на группы, рассаживали по отдельным помещениям и требовали представлять независимые друг от друга ответы. Только в том случае, когда предсказания сходились по большинству пунктов, властители Ашшура принимали советы богов к действию. В противном случае участь несчастных гадателей была незавидной... Время от времени некоторые владыки Аккада и Ассирии позволяли себе публично усомниться в достоверности испытания судьбы по внутренностям жертвенного ягненка или при швырянии дощечек, однако подобных святотатцев боги быстро приводили в чувство. Набополасар не позволял себе открыто усомниться в истинности того или иного прорицания, результата он достигал не мытьем, а катанием. То обряд был совершен не вполне с требованиями традиции, то наблюдение и считка звезд произведена без надлежащей аккуратности. В конце концов он добивался подтверждения своего, уже принятого после долгих вечерних размышлений решения, и никому не дано было знать, что именно замыслил в сумерках этот царь, «ничей сын, которого в малости его призвал на царство Мардук...» – так приbedнялся он в своих надписях на скалах и закладных плитах, укладываемых в основание храмов и башен. Он молчит и молчит, объяснил жене Навуходоносор, бормочет что-то и перебирает четки. Как тут уцепишься за богатую извилинами мысль этого мужика...

– А ты попытайся, – посоветовала Амтиду.

Навуходоносор вздрогнул, услышав исступленный, полный горечи выкрик чтеца – так верховные боги, собравшиеся в доме Эллиля, восприняли известие о непослушании собратьев-груженников.

Отчего Игиги врата окружили?
Кто зачинщик этого бунта?
Кто из них призывал к нападению?
Кто толкнул сражение и битву?...

Световой столб, падавший на царский трон из отверстия в крыше, между тем отодвинулся в сторону, лег на Набонида и сыновей – высветил лица преемников Навуходоносор. Из сумеречной, надвинувшейся после яркого солнечного света тени, царь с усмешкой наблюдал за ними. Никто из них до сих пор не посмел явиться к нему и заявить о своих правах на власть. Орудуют исподтишка, чужими руками и прежде всего Нитокрис, которая спит и видит, как бы добыть трон для своего маленького Валтасара.

Как быстро меняются времена...

Получив отказ отца, сославшегося на волю богов, Навуходоносор, одетый в печаль, словно в одежду, занялся тяжелейшей умственной работой. Некоторое время он еще ходил в лучниках, потом отец вывел его из состава линейного отряда и вплоть до падения Ниневии Кудурру служил при Набополасаре кем-то вроде посыльного. Времени свободного было много, тогда-то, заметив некую необычность в луке брата Амтиду, наследника Мидии Астиага, с которым он вскоре после братания сошелся накоротку, Навуходоносор додумался, а Бел-Ибни поддержал его догадку об увеличении гибкости лука, если сделать его составным, а место соединения укрепить железной пластиной. Превышающая все другие луки дальноточность нового оружия потянула за собой размышления, как лучше использовать такое важное преимущество... Затем встал вопрос о боевых порядках пехоты. Скоро ему и его отборным выпал случай вступить в рукопашную схватку с ассирийскими воинами. Испытание было жутким – в армиях того времени в тяжелую, одетую в панцири пехоту

сопляков лет до двадцати пяти не допускали. Собственно, боевое столкновение той поры после смешения рядов противоборствующих сторон разбивалось на отдельные поединки, в которых никто никого не щадил. Правил тоже не существовало – рубились изо всех сил, секли по незащищенным местам. После подобных схваток на поле боя оставалось кровавое месиво из отрубленных рук, ног, раскатившихся голов, лишенных всякой привлекательности тел с распоротыми животами и выпавшими внутренностями. В такую мясорубку нельзя было пускать молокососов, хлипких юнцов и тщедушных грамотеев-писцов. Сражения той поры выигрывали привычные к труду и тяготам крестьяне или наемники, чей жизненный удел был добывать себе пропитание оружием.

Первый же удар тяжелого меча Кудурру удалось отразить – лезвие только скользнуло по шлему, но и этого хватило, чтобы в голове загудело, забухала кровь в висках. Луки уже были отброшены, началась рубка. Ассириец, вставший напротив него, был легко ранен. Чем его можно было взять? Спасло царевича то, что после первого натиска он не потерял голову. Заметив кровь на левой руке, в которой вражеский воин держал щит, Навуходоносор смекнул, что ему надо продержаться несколько минут, не дать противнику возможности сблизиться, обессилить его, однако попробуйте унять истеричное желание ответить ударом на удар, самому броситься в атаку, оглушить врага воплем. Шум и гомон над местом боя стоял невыносимый, все переплелось в сознании: визжание, крики «Мардук, спаси!», «подсоби, Ашшур!», мольбы, уханье, смех и рыдания, торжествующие выкрики. Это было самое трудное – сохранить хладнокровие. Тут его окриком поддержал Набузардан. Он прикрывал царевича со спины. Наконец Навуходоносор, прикусив до крови нижнюю губу, сдержал убийственный порыв и, оторвавшись от врага, сумел обойти его слева и достать лезвием его раненую руку. При следующем ударе меч со скрежетом скользнул по доспехам и впился в живую плоть ассирийского воина ниже локтя. Царевич рывком, с усилием рванул оружие на себя. В широкой резаной ране на мгновение обнажилась белая кость, следом обильно хлынула кровь. Ассириец невольно опустил щит, в глазах его мелькнул ужас, бородатое лицо побелело, и в следующее мгновение Навуходоносор, с холодком, проникшим в сердце, не размышляя, как на занятии, сделал ложный замах, затем выпад и до половины вонзил меч в брюшину мужика. Тут же почувствовал, что лезвие не вытаскивается – то ли руки ослабли, то ли зацепился за что-то в живой полости.

Набузардан во весь голос закричал:

– Поворачивай! Шустрой поворачивай и рви на себя!..

Царевич послушался. В этот момент умирающий враг попытался на последнем взмахе достать Кудурру, однако резкого, сокрушающего удара не получилось. Юнцу наконец удалось вырвать меч, и ассирийский воин рухнул лицом в пыль. Крови из него вытекло море...

После того сражения Кудурру долго было не по себе. Как ни крути, а он вынужден был признать, что отец в чем-то прав, отказывая ему в командовании пусть даже небольшим отрядом. Боец, не понюхавший крови, вряд ли способен руководить людьми, но теперь-то после нескольких сражений Навуходоносор полагал, что он вправе рассчитывать хотя бы на тысячу воинов. Во время взятия Ниневии он едва не погиб – ему следовало поклониться в ножки Рахиму, который сначала помог ему перебраться через обширную лужу – тот прыгнул туда и подставил спину царевичу, затем прикрыв его щитом, когда на Навуходоносора напал коротконогий, необъятный в плечах защитник крепости.

Одолев смертельный ужас, заглянув в глаза смерти – что-то завораживающе-бессмысленное, улыбочиво-жуткое предстало перед Кудурру в тот миг, когда он после удара вражеского воина оказался на земле, – Навуходоносор почувствовал необыкновенный прилив сил. Жажда мщения душила его – с Ассирией должно быть покончено раз и навсегда. Эта парадигма не требовала обсуждения, и когда ему донесли, что Ашшурбалит вместе с частями

царской стражи и отрядами отборных сумел вырваться из крепости и теперь спешно уходит вдоль берега Тигра на север, к Харрану, Навуходоносор тут же бросился в шатер к отцу.

Набополасар спокойно, даже с некоторым облегчением принял весть о прорыве Ашшурубалита.

– Боги, – заявил он Навуходоносору и поднял ложку, назидательно потряс ею в воздухе, – слишком долго закрывали глаза на жесткости Ашшура, слишком долго изливали на них свое благоволение, чтобы позволить нам враз раздавить волчье логово. Небеса хотят сохранить лицо и поэтому ставят нас перед новыми испытаниями. Что ж, мы примем вызов – с Ашшурубалитом необходимо покончить раз и навсегда. Но не сейчас...

– Их можно достать во время перехода к Харрану, – подсказал Навуходоносор. – Бросить в погоню скифов, мидийскую конницу. Отец, позволь, я возглавлю отряд?..

Они были в шатре одни – царь Вавилона завтракал. Хлебал крепко посоленную простоквашу, предложил сыну. Тот отрицательно, с некоторой даже излишней поспешностью, покачал головой. Набополасар невозмутимо пожал плечами и вновь зацепил ложкой ломоть густого скисшегося молока. Тогда Навуходоносор, вдохновившись, добавил:

– Они идут пешим шагом, у них нет скакунов... Мы настигнем их, отец!..

Наконец царь поднял голову, в упор взглянул на сына.

– Тебе лучше помалкивать, пока тебя не спросят, – он сделал паузу, затем нахмурившись добавил: – Ты молод и не по годам дерзок. Повторяю еще раз – прежде всего надо узнать волю богов. И дать возможность воинам переварить добычу. Тут мне донесли, что торги рабами в полном разгаре. Кроме того, если Ашшурубалит закрепится в Харране, это не так уж плохо, Нергал меня забодай.

– С какой стати? – удивился наследник.

– Скоро узнаешь, – хмыкнул Набополасар.

Он был великий хитрец и скрытник, его отец. Помнится, о заговоре маленький Кудурру узнал только в день переворота, проснувшись, когда теплые руки матери выхватили его из постели. «Веди себя достойно, – шепнула она первенцу, – теперь в Вавилоне правят наши люди». Свадьбу устроил, не удосужившись спросить мнения богов, даже гонца за предсказанием по звездам не послал в Вавилон, а теперь, когда вражье семя осыпается на удобренную почву, он вдруг начал очередной круг торговли с богами. Что он собирается выпрашивать у них? Право слово, иной раз отец напоминал сыну безродного попрошайку, который готов сколько угодно канючить у небожителей разрешение на то, чтобы поступить так, как ему вздумается.

Доложили о прибытии Киаксара и скифского царя.

– Пусть войдут, – распорядился Набополасар.

После коротких приветствий военачальники расположились вокруг походного стола, где еще стояла миска с недоеденной простоквашей. Набополасар предложил гостям отведать молочного, здорово помогающего просветлить душу после вчерашней попойки по случаю взятия Ниневии хлеба. Киаксар решительно рубанул воздух ребром ладони.

– Наливай!

К нему присоединился и вождь скифов.

– А ты чего, зятек? – Киаксар похлопал царевича по плечу и добавил: – На девушку не обижайся. Амтиду еще принесет тебе во-от такого наследника. – Он расставил руки во всю ширь, отчего будущий младенец должен быть родиться более, чем двухметрового роста.

Потом повелитель мидян обратился к царю Вавилона.

– Враг уходит, а с ним и часть нашей победы и добычи. Набополасар, ты – мудрый вождь, пора поднимать войско.

– Попробуй подними его, – усмехнулся вавилонянин. – Как мы сможем догнать Ашшурубалита с таким обозом?

Скиф подал голос. Был он светловолос, невысок, до сих пор пьян – ложку мимо рта проносил – глаза голубые, навывате. От него жутко пахло пивом и мочой. «Северный варвар», – с некоторой неприязнью отметил про себя Навуходоносор.

– Мои всадники могут догнать их на марше, – заявил скиф. – Они будут беспокоить их до тех пор, пока не придут твои отряды, царь.

– У них нет добычи, – откликнулся Набополасар. – Твоим всадникам там нечем поживиться. Вряд ли они пожелают испытывать судьбу в сражении с отчаявшимися. Тебе должно быть известно, что лучше не связываться с теми, кто защищает свои жизни. Тем более с воинами Ашшура.

Наступила тишина, во время которой скифский вождь, по-видимому, раздумывал – может, стоит обидеться на замечание халдейского царя. С другой стороны, ему в самом деле не очень-то хотелось сниматься с места и тащить своих всадников к предгорьям, где беглецы будут искать укрытия. Старик Набополасар прав – там ловить нечего. Кроме того, поднять войско, не переварившее добычу, захваченную в Ниневии, погнать в бой воинов, не распродавших доставшихся по жребью пленников, не отдохнувших после утомительной резни, дело не простое. Если бы не настойчивость Киаксара, он бы и не подумал выходить из своей палатки. Ссориться с мидийцем, доказавшим, что он в состоянии сокрушить любую твердыню, не хотелось. Что же касается нынешнего союзника Набополасара, то если ассирийцы в какой-то мере сохраняют свои силы, выгоднее столкнуть их лоб в лоб с Вавилоном. Тем более, что бежавшие идут налегке и даром свои жизни не отдадут.

– Где они смогут найти убежище? – спросил Киаксар.

– В Харране, где же еще, – отозвался Набополасар.

– Поэтому ты и не желаешь преследовать воинов Ашшура? – Киаксар изломил бровь. – Харран принадлежит мне, ты предоставляешь моим воинам взять эту крепость штурмом?

– Нет, Киаксар. Я беру обязательство в союзе с тобой добить ассирийскую гадину в любом месте, куда она заползет зализывать раны, но прежде я хотел бы узнать волю богов.

– Так зачем же позволять ей заползать за неприступные стены, когда мы можем раздать ее в чистом поле! – воскликнул Навуходоносор.

Это был первый раз, когда он, не получив разрешения отца, посмел подать голос на совете вождей. Даже ответа Киаксара не дождался!

– Набополасар, твой наследник прав, – откликнулся повелитель мидян, словно не заметив промашки молодого халдея. – Наша конница сможет настигнуть их и задержать до подхода главных сил.

– Мы можем посадить на колесницы пеших воинов и доставить их к переправам, – сказал ободренный Навуходоносор.

Наступила тишина.

– Я не вправе приказывать тебе, Киаксар, но этого юнца я должен поставить на место, – наконец ответил долго молчавший Набополасар. – Я тебя предупреждал, что ты должен помалкивать, пока тебя не спросят? – обратился он к сыну.

– Да, повелитель.

– Тогда покинь совет!..

Навуходоносор скорым шагом вышел из большого шатра, добрался до коновязи, вскочил на коня и промчался до своей палатки. Здесь было пусто – Амтиду не смогла сопровождать его во время похода на Ниневию, она была оставлена в Вавилоне отдыхать после родов. Жены отчаянно не хватало, не с кем посоветоваться, не с кем унять гнев! Может, вызвать Шару, пусть пришлет девку? Поможет ли?

Кудурру присел на походную кровать, задумался. Отец прав – поднять армию и без промедления двинуться в погоню, когда воины обременены добычей и обозы растянутся на

несколько беру, задача трудная, но и идти на поводу у солдат нельзя. Или, может, разгадка в другом? В мидянах и поведении Киаксара, теперь напрочь освободившегося от страха перед Ашшуром, чьи воины двести лет топтали его землю? Согласно разделу, проведенному между тестем и царем Вавилона, Харран и земли к северу от среднего течения Тигра и Евфрата отходили к мидянам. Договор был скреплен братством по оружию. Братство братством, но очевидно, что отец не желает рисковать и ждет не дождется, когда мидяне вернутся в родные горы. Нет, что-то в этих рассуждениях не то... Была бы рядом Амтиду, ее возмутило бы подобное недоверие к союзнику. Так, пройдемся еще раз. Пустить волка в овчарню легко, это несомненно, трудно выгнать его. Армия халдеев во время похода к Ниневии и так оторвалась от своих баз, а преследование Ашшурубалита, удиравшего вверх по Евфрату, вконец измотает халдейское войско. Как в таких условиях поведет себя Киаксар? Хорошо, если союзники добьются победы, а если их постигнет неудача. На ком они выместят горечь печени? Опять нескладуха, не в мидянах дело. В чем же, Нергал меня обними?

Боги великие, милосердные!..

Конечно, в скифах! В этих разбойниках!..

Вот кого следует опасаться в первую очередь! Они теперь будут кругами ходить вокруг царя Вавилонии, чтобы тот нанял их. Казна у царя Вавилона теперь богатая... Все, что он мысленно приписывал мидянам, может случиться, если халдеи второпях бросятся преследовать Ашшурубалита. В этом случае при любом исходе штурма Харрана единственными победителями останутся скифы, и тогда может вновь начаться нашествие. Стоит только им свистнуть, и со стороны Кавказских гор повалят кибитки, стада, женщины, дети. Так и покажутся ордой по нашим пределам. Вот почему и Киаксар призывает нас поспешить на Харран, вот почему медлит отец. Ждет, когда терпение у скифов лопнет и они уйдут в северные степи. Только потом можно идти против Ашшурубалита. Конечно, отдельные отряды из состава кочевников можно и нанять, исключительно выборочно и при полной уверенности, что в любом случае мы не распахнем ворота северным варварам. Ашшурубалит никуда не уйдет, дух его сломлен. Единственное, что его может спасти, – это поддержка союзников.

Разве в нынешнем безнадежном положении ему удастся найти союзников? Какой безумец решится оказать помощь тем, кто мучил их в течение стольких лет?

Вечером в царском шатре, дождавшись угрюмого, вопросительного «Ну?...», он сразу выложил отцу свои соображения, какой линии следует придерживаться в войне, исход которой можно считать предрешенным.

– Рад, что ты осознал меру опасности, связанную с коварством кочевников. А насчет друзей, которые могли бы помочь Ашшурубалиту, такие безумцы найдутся. Они уже зашевелились. Здесь, в горах, возле озера Ван... Урартам кость в горле победа Киаксара. Эти меня не тревожат, этих мы разнесем в пух и прах. Другое дело, эти птицевлазцы – там, у большой реки... Надо быть готовыми к встрече с ними, – и, заметив нескрываемое удивление на лице сына, Набополасар добавил: – С египтянами...

Глава 6

Два года халдейское войско во главе с Набополасаром кружило возле мощной горной крепости, какой являлся в ту пору Харран. Стратегическое значение этого пункта и в особенности расположенного неподалеку Каркемиша было исключительно велико. Оба города держали под наблюдением переправы на Евфрате, через которые шли важнейшие торговые пути, связывавшие Вавилонию, Мидию и иранский Элам с Верхним и Нижним Арамом, как в ту пору называли Сирию, прибрежными городами Финикии (откуда местные купцы отправлялись на побережье Африки, в Карфаген, в Италию и далее в Тартес, расположенный на берегу Мирового океана. Те края были обильны оловом), с Египтом и государствами Малой Азии – Лидией, Фригией, Каппадокией, с побережьем Верхнего моря, где благоденствовали греческие колонии. Кто владел Харраном и Каркемишем, тот имел возможность влиять на всю мировую торговлю, тот богател, крепко вставал на ноги, тот был в состоянии начать продвижение в любую часть света. Прежде всего по всему вееру направлений северной полуокружности – от Киликии, что в Малой Азии, и до восточных отрогов Кавказа, обрывававшихся в Каспийское море узкой полоской земли, ведущей в северные степи. На восход – в сторону Ману, Мидии, Элама. На юг, в направлении богатейших городов Арама – Хамата, Дамаска, Арвада, Иерусалима, также прибрежных Библа, Сидона, Тира. Наконец, владеющий переправами через Евфрат получал доступ в Египет и далее вдоль великой реки в Нубию.

Каркемиш и Харран скрепляли зримую, исхоженную торговцами, воинами и мудрецами часть земной тверди в единое целое.

Полтора года потребовалось Набополасару, чтобы усмирить исконные ассирийские провинции Рассапу и Насибину, расположенные к северо-востоку от Ниневии на полпути к Харрану. Киаксар, отправившийся домой, в Мидию, тем временем начал воевать страну Ману и урартов. Предвидение Набополасара сбылось – горцы, прятавшиеся возле озера Ван и Урмия, вступили в контакт с Ашшурубалитом. Возвышения Вавилона и особенно Мидии они боялись более, чем угрозы со стороны разгромленных ассирийцев.

В мае шестнадцатого года царствования (610 год до н. э.) правитель Вавилонии, объединившись с мидянами, двинулся прямо на Харран и, обогнув его могучие укрепления, взял в его тылу крепость Руггулити, тем самым отрезав Ашшурубалита от новоявленных союзников, явившихся с берегов Большой реки, называемой Нил. Обе стороны старательно избегали решительного сражения. Ашшурубалит, провозгласивший себя царем Ассирии, что само по себе было неслыханной дерзостью и требовало скорейшего наказания, вместе с египетским корпусом, присланным фараоном Псамметихом, укрылся в стенах города. В ноябре к халдейскому войску присоединился большой отряд скифов, и при приближении соединенной армии новоявленный правитель Ашшура оставил Харран, перебрался на правый берег Евфрата и принялся искать счастья в окрестностях Каркемиша. В марте Набополасар, оставив в Харране усиленный гарнизон, распустил союзные отряды, а сам с войском возвратился в Страну⁵⁰.

Весна и лето семнадцатого года правления отца (609 г. до н. э.) навсегда запомнились Навуходоносору сумятицей, царившей в Вавилоне после того, как сразу после новогодних торжеств в месяце *нисанну* и очередного возложения на правителя Страны знаков царственности, с ним случился удар. Неделью отцу пускали кровь, врачи поили его травами, заклинатели не отходили от постели, и по милости богов уже к исходу месяца *аяру* старик вновь обрел речь и ясность мысли. Кудурру тоже в ту пору досталось от судьбы – с началом года

⁵⁰ То есть в Вавилонию.

несчастья посыпались на него одно за другим. Вслед за первой дочерью, несколько лет назад ушедшей в Страну без Возврата, во время сбора урожая ячменя его с Амтиду покинул и второй ребенок. Жена места себе не могла найти от горя. В середине весны сразу после того, как околел от старости верный Зак, пришло известие, что новый фараон Египта, молоденький, мечтающий о славе Нехао собрал огромную – более сотни тысяч «черноголовых» – армию и двинулся на север, чтобы уже не малочисленным экспедиционным корпусом, а всей мощью Мусри поддержать нового ассирийского царька и железной пятой встать в Палестине и Сирии вплоть до Евфрата – предместных землях, охранявших доступ в долину Нила. Еще через неделю гонцы принесли весть, что царь Иудеи Иосия решил задержать выдвижение египтян в долину реки Оронт и далее к Каркемишу и выступил против него под Мегиддо. Наступавшие египетские колонны смяли малочисленное иудейское войско. Иосия был сражен стрелой, трон Иудеи был передан Иоахазу.

Ободренный поддержкой зашевелился и Ашшурубалит. Его войско вместе с посланными египтянами подкреплениями, переправилось через реку и, разгромив вавилонские гарнизоны, оставленные в опорных пунктах на левом берегу Евфрата, осадило Харран. Замысел ассирийцев был понятен – государственный совет в Вавилоне, собранный выздоравливающим Набополасаром, единогласно пришел к выводу, что египетский властитель и ассирийский узурпатор решили организовать сплошной фронт против Вавилона и Мидии, протянувшийся с юга на север и включающий в себя египтян, Иудею, города Сирии, остатки разгромленного Ашшура, страну урартов, а также Лидию, вроде бы соблюдающую нейтралитет, но подпиравшую вражеский фронт с запада.

Коалиция вырисовывалась грозная. Война на глазах превращалась в мировую, и это в такие дни, когда в душе Кудурру комком сплелись печаль, упадок сил, тревога за отца и одновременно гнев, душивший наследника всякий раз, когда Набополасар отказывал ему в просьбе возглавить войско. С приходом нового – семнадцатого – года царствования прежняя разумная неспешность царя на глазах превращалась в нерешительность, знаменитые осторожность и предусмотрительность в откровенную робость, в нежелание рисковать. За время болезни отец заметно обрюзг, потерял прежнюю подвижность, вечерние бдения теперь начинались после полудня. Все хлопоты по подготовке нового похода на север легли на плечи Навуходоносора. С раннего утра он кружил по городу и его окрестностям: посещал мастерские, где изготавливались боевые колесницы, заглядывал в кузни и на войсковые склады в соседней Борсиппе, Хаббани и Агаде; проверял списки горожан, лично осматривал призывников, обязанных вступить в армию, пытаясь выявить тех, кого лукаво наняли за деньги и кто был неспособен носить оружие – таких было достаточно; изучал платежные ведомости, писанные на коже, удостоверявшие доставку оговоренного оружия и припасов, под вечер посещал военный лагерь на канале Куфу, где ежедневно, к моменту посещения наследника, устраивались стрельбы из луков, бега на боевых колесницах и военные игры.

По вечерам, перед заходом солнца Кудурру возвращался во дворец, поднимался к себе и не с силах избавиться с гнетущим ощущением бесполезности усилий, которое неизменно преследовало его на протяжении всей весны, устраивался на крыше своих апартаментов. После смерти второй дочери Кудурру сам не заметил, как пристрастился на исходе дня посидеть в одиночестве, помолиться Мардуку, спросить совета, поделиться с ним горестями. Время было смутное, перспективы туманны. Имевший привычку во всем доходить до сути, Навуходоносор не мог понять, почему отец медлит с объявлением плана войны. Не только предстоящей кампании, а всего противостояния, развернувшегося в верхнем течении Евфрата, в самой сердцевине земной тверди... Как он намечает добиться победы? С помощью каких мер?.. Или халдейское войско, как и прежде будет ходить кругами вокруг Харрана? Город будет переходить из рук в руки – и что в итоге? Положение стабилизируется, это будет на руку Нехао и Ашшурубалиту. Они в конце концов смогут перехватить инициативу,

с боем добытую халдеями во время штурма Ниневии. Понятно, что первым делом необходимо обрубить связи между ассирийцами и урартами, но что потом? Отец так и не давал ясного ответа на этот вопрос. О генеральном сражении, которое могло бы разрубить узел – причем именно теперь, в ближайшее время, которое отпустили халдейской династии боги, – он и не заикался. Набополасар соглашался с тем, что краеугольным камнем войны должно стать взятие Каркемиша, но из его редких замечаний Кудурру сделал вывод, что добиться этого отец намерен прежней тактикой выдавливания врага с захваченных территорий. Это была пагубная, папахивающая застоявшейся болотной тиной идея. Вообще в ту пору в Вавилоне во всем ощущалась некая заторможенность, нежелание действовать... Душевная ленца, словно зараза, поразила жителей и саму армию. Некому их было встряхнуть?.. Сколько раз он просил отца доверить ему руководство походом, излагал свои соображения насчет взятия Каркемиша, однако дряхлеющий царь отмахивался или отмалчивался.

Пустое...

Вот о чем вечерами вопрошал Навуходоносор Владыку крепкого, пекущегося обо всех – доколе может продолжаться странное оцепенение в верхах государства? Как разбудить отца, вернуть ему энергию, пробудить в нем прежнюю ярость против врага. Небеса благожелательно посматривали на него, солнце-Шамаш с последними лучами посылало привет, но знамения не было. Даже полеты птиц над священным городом не баловали намеками, ясным и определенным ответом – по крайней мере его Бел-Ибни только руками разводил. Когда негодование отпускало, когда душа, пропитавшись неземным сумеречным светом, успокаивалась, странные откровения начинали посещать наследника. Они являлись сами собой. Не часто... Мерещилось что-то таинственное... Открывались дали – трудно сказать, небесные, неземные. Запредельные... но всегда удивляюще-живописные. В общем и целом картинки были привычные, но всегда в них присутствовал некий выверт, какая-то ошарашивающая, таинственная изюминка. Чаше всего являлась любимая с детства морская ширь, пронизанная лучами заходящего солнца, присыпанная чудными, удивляющими глаза своей расцветкой облачками. Порой открывался взгляд с высоты, может, с горной вершины или со ступенек святилища, воздвигнутого на верхней площадке зиккурата – простор внизу тогда был подернут клочьями тумана, в котором шевелилось, а иной раз и проглядывало что-то непонятное, пугающее душу. Случалось, и в преисподнюю мысленным взором проваливаться – под дворцом было устроено подземелье, куда в момент полного угасания серпа Луны-Сина, вынужден был спускаться царь Вавилона, чтобы борьбой с духами тьмы, а затем совокуплением с супругой, воплощением Инанны, богини-матери, богини-девы, возродить бога к жизни. В одно из темных закоулков, въявь привидевшемуся ему в такой момент, и постучалось решение. Кто-то – то ли Мардук с небес, то ли Нергал из преисподней – шепнул на ухо: пора дерзнуть!

Час пробил!..

От этой мысли Навуходоносора бросила в жар – лицо буквально опалило. Поднять руку на отца? На бога?

Ты попробуй... Шепоток стал отчетливее – кровь людская, что водица... Царская не гуще... Он же оставил тебя в заложниках, когда ты был несмышленишкой. Теперь пришел его черед. Так было и так будет, отмирающей ветви помощи засохнуть, дай жизнь молодому побегу. Взвесь – жизнь одного или судьба династии, города, родного племени. Жалко старика? Это пустое... Взвесь...

Кудурру невольно вскочил, забежал по крыше. Глянул на вызвездившееся к тому часу небо, потер глаза. Срочно вызвал к себе Бел-Ибни, приказал спустя несколько минут выбравшемуся на крышу *уману*⁵¹ отыскать на мрачном куполе *Неберу*.

⁵¹ Этим термином в Вавилонии объединяли писцов-литераторов, ученых. Так могли назвать учителя в широком смысле

Писец поклонился царевичу.

– Господин, еще не пришел час дому Владыке мира. Он выглянет позже, в той стороне... – Бел-Ибни указал рукой в сторону поблескивающей в свете факелов реки.

– Может, это был Нергал?.. – задумчиво, обращаясь к пространству, спросил Навуходоносор.

– О чем ты, господин, – удивился ученый. – *Ниндар* уже давно плывет в небе. Вон его пылающее око⁵²...

– Хорошо, – кивнул царевич. – Ты свободен.

С той поры Навуходоносор отделаться не мог от посетившего его бредового откровения. Уж не Ахриман ли, которым часто пугала мужа Амтиду, нашептал ему на ухо гнусный совет? Хотел было поделиться нахлынувшим с женой, однако вовремя одумался – нагружать упавшую духом после смерти второго ребенка женщину государственными вопросами, искушением впасть в грех, было жестоко. С этим он должен справиться сам! Мардук, ожидая решения, по ночам в упор глядел на него. Боги, толпящиеся на небе возле его дворца, с тем же жадным интересом следили за наследником – ну-ка, ну-ка?.. Задача была непростая. На сообразительность... Спустя несколько дней, трезво взвесив все обстоятельства, Кудурру пришел к выводу, что всякая попытка причинить вред отцу, тем более его смерть, исключалась напрочь, и не только потому, что ему был дорог этот лысый, теперь помалкивающий старик, когда-то с остервенением таскавший его за уши. Дорог?! При этом воспоминании опять накатила ненависть – этот старикашка не задумываясь предал его, маленького! Бросил на заклятие жену, усыновленного племянника. Оставил всю родню, неспособную носить оружие...

Навуходоносор осадил себя – почему не задумываясь? Зная отца – это был примерный, даже суровый семьянин – он вынужден был признать, подобное решение нелегко далось Набополасару. В первый раз он почувствовал, каким невыносимым порой бывает бремя власти. Оно только чуть коснулось плеч, а ожгло так, что от боли и отчаяния хотелось кричать, как раненый дикий онагр.

Не оправданий искал Кудурру, не уклончивых объяснений своего малодушия или, наоборот, доказательств необходимости поступить кроваво. Он пытался найти ответ с помощью разума, не поддаваясь чувствам, ложно понятой традиции, чьим-то шепоткам. Вот в чем заключался символ веры – царевич давным-давно утвердился в мысли, что вечный источник света Мардук требует от него сознательности, выбора, основанного на убеждении. Или об этом как раз говорил Ахуро-Мазда?.. Какая разница! Разум как раз и подсказывал, что не в назывании заключается истина и величие, да простит меня животворящий и милосердный Мардук.

С этой точки зрения даже успешный заговор не решит всех проблем, стоявших перед наследником. Авторитет отца в войске настолько высок, что бунта не миновать. Тогда зачем начинать смуту? И в городе позиции старого царя неколебимы. Отстранить его от власти и отправить в почетную ссылку? Без посягательства на жизнь? Глупо... Но и оставлять дела в нынешнем положении недопустимо. У него, у Навуходоносора, есть четкий план действий, в котором учтены все тонкости, намечены цели, рассчитаны средства, однако отец даже не желает выслушать его. Когда же наследник во время вечерних бдений начинал настаивать, отец просто выставлял его из комнаты.

Ответьте, боги, как поступить?

Пришлось на время затаиться. Как-то во время тихого часа Навуходоносор поинтересовался у выздоравливающего отца – что толкнуло иудейского царя Иосию на безумный

этого слова. Уману составляли элиту писцов.

⁵² Неберу – Юпитер, планета Мардука, Бебо – Меркурий, Ниндар – Марс, планета Нергала.

поступок? Не свихнулся ли он, пытаясь с немногочисленным войском встать на пути орды египтян?

Они были одни в просторной палате, где отец обычно собирал заседания государственного и военного совета. Набополасар, окончательно облысевший за время болезни, был явно удовлетворен вопросом.

– Нет, Иосия безумен не более, чем любой иудей, уверовавший во всеединого и всеобъемного Бога, – откликнулся старик. – Что это за упование, на которое они уповают? Это сказки, пустые слова, для войны нужны совет и сила. Пагубная страсть, она кого угодно может довести до беды. Я знаю, это сказки твоей Амтиду не дадут тебе покоя. О вечном свете и воздаянии за грехи, так, что ли?... Советую тебе держаться старины. Нам ли, царям, рассуждать о том, кто создал мир, каково истинное имя бога и что есть добро и зло?! Волей Мардука мы призваны – вот и все тут!.. Кого-то наказываем, а кого-то благодетельствуем, исходя из предписанных божественными предками правил. Стоит правителю начать действовать по собственной прихоти, либо уверовать в сумасбродные проповеди нищих пророков, он рискует потерять мерило. Что этот «учитель» из Арианы Заратустра, о котором мне столько раз талдычил Киаксар, что безумцы из Палестины – все одно! Они смеют утверждать, что люди вольны сами решить, какой путь выбрать – праведника или грешника. Расплата ждет в конце... Божий суд будет расплатой. Тогда выходит, что служба государству еще не есть служение истине, а это недопустимая крамола. Не смей так рассуждать! Еще более опасна мысль, что властитель тоже подвластен посмертному суду...

Отец помолчал, недовольно бормотнул что-то про себя, затем уже более спокойно договорил:

– Не думай, Кудурру, о пустяках, держись реального. Это значит, иметь хорошее войско и много золота. В них слава и безопасность государства. Полагаешь, ты один такой умник, который клюнул на приманку шарлатанов, возвещающих, как они уверяют, истину? Поинтересуйся у своего Бел-Ибни насчет судьбы древнего правителя Мусри. Звали его, как утверждают наши писцы, Аменхотеп, был он четвертым Аменхотепом. Правление его случилось чуть более двадцати поколений назад, в ту пору у нас в Вавилоне хозяйничали касситы. Этот властитель поддался обольщению чужеземца по имени Иосиф. Этот красавчик сумел разгадать его сон и напроорочил двенадцать тучных лет и двенадцать тощих лет. Фараон возомнил, что этого достаточно, чтобы играть с богами, как с глиняными бирюльками – свергать одних, утверждать других... Вбил в башку, что главный завет властителя – следовать истине, а не духу и букве закона и требованию обычая. Он заставил подданных – тех, кто в поте лица возделывает поле, корчится над гончарным кругом, охраняет границы и просит помощи у родных с детства богов, – поклоняться солнечному диску как единому божеству, вобравшему в себя все невидимое, запредельное...

Были и у нас в Аккаде подобные попытки. Например, недоброй памяти царь Ашшура Адеднари тоже решил свести почитание богов к одному имени. Поинтересуйся у Бел-Ибни, чем кончилась эта история. Что же касается Иосии...

Вновь старик сделал паузу, кликнул слуг, приказал зажечь факелы. Только не густо... Когда дребезжащий свет смолистых, пропитанных напой палок затрепетал в зале, отразил наступление тьмы, он повторил.

– Что же касается Иосии... Трудно сказать... Может, поддался гордыне и возомнил, что ему ведома воля небес, а это заблуждение, граничащее со святотатством. Он, должно быть, решил, что кумир Палестины по имени Яхве именно его выбрал, чтобы воздать по заслугам ассирийской волчице и наказать ее божьим судом. Мне так думается, он рассчитывал на помощь соседей, но эти сирийские прихлебатели больше всего в жизни боятся ошибиться, вот почему они научились хорошо считать. Я к тому говорю, чтобы ты был готов к предательству иудеев и подлости сирийских князей. Вторые будут покорны, пока ты в силе, пути

первых неисповедимы. Печалит, что Палестина – область не менее важная, чем верховья Евфрата. Владеющий этими двумя землями владеет серединой тверди. Имей это в виду...

– Но наши рассказы о сотворении мира и деяниях богов еще более похожи на сказки... – после долгой паузы, испытывая внутренний страх, вплоть до холодка в груди, откликнулся Кудурру.

К счастью, отец не вспылал, не приказал покинуть помещение. Молчал долго, многозначительно, изредка вздыхал, покрывал, покачивал головой. Наконец ответил.

– Скоро я отправлюсь к Эрешкигаль, в Страну без Воз врата. Там и поинтересуюсь, как на самом деле устроен мир и кто в нем верховодит? Как его имя и зачем боги переложили на наши плечи свои заботы? Зачем наградили нас душой и лишили бессмертия? Ныне же меня куда более волнует, устоит ли наш гарнизон в Харране во время осады, которую непременно начнет Нехао. Послушай, сын, мне не дожить до победы...

Кудурру, сидевший у окна, невольно, протестуя всплеснул руками, однако отец жестом перебил его.

– Зачем лукавить, я сделал все, чтобы ты сумел защитить трон. Он дорого мне дался. У меня не было отца, его убили воины Ашшура, когда мне было восемь годков... Они сожгли его заживо... Я стоял рядом и смотрел. Отцом мне стал Мардук.

По его совету я не баловал тебя, старался, чтобы ты сам одолел тяготы, которые боги без меры накладывают на плечи смертных.

Вот что я хочу сказать... Любимое развлечение небожителей – это смущать души черноголовых подобными вопросами, сеять в их головах сомнения, внушать гордыню, жадность, подлость и коварные намерения. Поддавшегося на подобные мысли они наказывают более всего... Гибелью отца в огне, смертью маленьких детей... Они милосердны и в то же время жестоки. Ты полюбился Мардуку, но это совсем не значит, что ты можешь презирать других богов. Вера скрепляет народ, справедливость его возвышает, и в этом деле важен каждый кирпичик. Вынь его – все здание рассыплется.

* * *

Откуда-то издали ручьистым, вопрошающим голосом чтеца, что-то талдычившего о мудрости богов, в сознание проникла явь. Прояснились лица придворных, наблюдающих за мистерией, разыгрываемой в тронном зале.

Ану уста раскрыл,
Так говорит богам, своим братьям:
«За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, непомерны невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, стенанья мы слышим.
Пусть создаст праматерь род человеков,
Бремя богов на них возложим.
Пусть несет человек иго божье!»
Кликнули богиню, позвали
Повитуху богов, мудрейшую Мами.
«О праматерь, сотвори человека!
Да несет он бремя!
Да примет труды, что Эллиль назначил!
Корзины земли носить человеку!»

Навуходоносор, прищурившись, оглядел возможных преемников, сидящих возле трона. Полководец Нериглиссар время от времени позевывал. Его сынок Лабаши-Мардук, в первый раз допущенный в царский дворец и удостоенный чести лицезреть праздничную мистерию, устраиваемую во дворце, стоял возле деда и не отрываясь следил за происходящим. Скептически хмурился старший сын царя Амель-Мардук, тайно уверовавший в Яхве и в то же время до сих пор не нашедший в себе смелости прямо заявить отцу о недопустимости почитания кумиров повапленных⁵³. Вот в чем загадка – обладая истиной в душе, он, не колеблясь, когда наступит его срок сесть на троне, поклонится кумиру, лизнет его выкрашенную золотой краской руку, во весь голос провозгласит великим. С каменным лицом взирал на происходящее Набонид, верный пес, соратник, умнейшая голова... Он первым одобрил и поддержал тайный замысел Навуходоносора, направленный против царя. Это понятно – после взятия Харрана, откуда Набонид был родом, именно Набополасар отдал приказ о разграблении города и храма бога Луны-Сина Эхулхул.

Амтиду была второй, кто узнал об окончательном решении Навуходоносора. Царевич, не жалевший усилий, чтобы вернуть любимой женщине страсть к жизни, как-то поутру, всласть натешив ее, обмолвился, что на состоявшемся на днях военном совете был отвергнут его план проведения предстоящей кампании. Потом объяснил подробнее.

– Они решили держать оборону на рубеже Евфрата...

– Ты спорил? – спросила Амтиду.

– Да... Доказывал, что оборона левого берега не может являться самоцелью. Дело необходимо вести к захвату Каркемиша, только так можно прогнать Нехао в свои пределы. Промедление с решительным изгнанием египтян из Сирии и Палестины позволит им закрепиться на этих территориях.

Кудурру сделал паузу, вздохнул. Амтиду оперлась на локоть, склонилась над ним.

– Кто был против? Старики?.. – спросила она.

– Начальник царских боевых колесниц Нинурта-ах-иддин и другие дружки отца. Они назвали мое предложение «опрометчивым, оправдываемым исключительно молодостью наследника». Ахиддин сразу сообразил, что взятие Каркемиша невозможно без генерального сражения, вот на это они без согласия отца решиться не могут. И вообще теперь после взятия Ниневии, сражений они не одобряют – в какой-то беру, говорят, можно потерять все, что наработано за десять лет. Шамгур-Набу, начальник тяжелой пехоты, начал доказывать, что биться вдали от Вавилона с явно превосходящим нас по численности противником – дерзость, если не сказать, глупость.

Навуходоносор потянулся, закинул руки за голову, продолжил обиженным голосом:

– Да, это риск, говорю я, но одним только давлением нам не выжать египтян из прибрежных стран. Рано или поздно на том или на этом берегу Евфрата нам придется лоб в лоб столкнуться с врагом. К этому надо готовиться уже сейчас.

Тактическое преимущество на нашей стороне – Нехао при подавляющем перевесе в силах до сих пор не сумел взять Харран, обороняемый Набузарданом. Неужели мы с таким опытным, сокрушившим Ашшур войском не сумеем обеспечить стратегическое преимущество?.. Я спросил, они замолчали... Слова так и повисли в воздухе. Отец на заседании не высказался ни за, ни против, однако Шару сообщил, что правитель дал принципиальное согласие на оборону левого берега Евфрата, а штурм Каркемиша решил отнести на более позднее время и то только в том случае, если мы сумеем обеспечить заметный численный перевес. Это значит никогда...

⁵³ Повапленный – покрашенный (устар). От сравнения лицемеров с «гробами повапленными, которые красивы снаружи, а внутри полны мертвых костей и всякой мерзости».

Амтиду долго лежала молча, ноготочком почесывала плечо Кудурру, потом принялась выдавливать прыщики на теле мужа. Тот только ёжился от удовольствия.

– Ты что-то надумал? – тихо спросила Амтиду.

– Да, и мне не обойтись без тебя.

– Это касается моего отца?

– И брата. Запомни, что следует говорить придворным – ты обратилась ко мне с просьбой разрешить отправить письмо в Экбатаны. Я отправлю Ушезуба и Подставь спину. Пусть этот проныра Ушезуб выведает, кого Киаксар намерен назначить командующим отрядами, высланными нам на подмогу. Вручишь Подставь спину золото из твоих запасов, так будет сохранив. Оно потребуется им в Экбатанах.

Амтиду, навалившись на мужа объемистой грудью, припала к уху Кудурру.

– Ты хочешь, чтобы отец назначил Астиага?

– Да.

– Ты полагаешь, что вы вдвоем управитесь с Набополасаром?

– Почему вдвоем. Даром, что ли, я выступил на заседании совета. Больше половины командиров меня поддержали. Может, их смутило молчание отца, когда я объяснял свой замысел, но как бы то ни было слово не воробей. Я всегда смогу притянуть их к ответу за двоемыслие.

– А подождать нельзя?..

– Нет. Жизнь царя в руках судьбы. Никому не известно, сколько она еще поиграет ею, а время не ждет. Если мы в течение ближайших нескольких лет не одолеем Нехао, нам тогда действительно придется уйти в глухую оборону.

– Я боюсь... – призналась Амтиду.

– Я тоже... За тебя. За себя нет – отец поймет. У меня не осталось выбора, я должен защитить трон. Такое имя мне дали. Мудрый Набу поможет.

– Я с тобой. В случае чего нас сможет приютить мой отец.

– Нет, ласточка моя. Это тебя сможет приютить Киаксар, а мне в чужие земли хода нет.

– Ты будешь загадывать на удачу? Собираешь прорицателей?..

Навуходоносор вздохнул.

– Я долго думал над этим... Нет, я не стану испытывать судьбу. Если Мардук и сын его Набу на моей стороне, то знамение ничего не решит. Кроме того, если я удалюсь для оракула, отец что-нибудь заподозрит.

– Это тяжелое бремя, – она поцеловала мужа в губы, шепнула вдогон. – Я с тобой.

Столб солнечного света лег на площадку, на которой лицедействовали лучшие мастера цеха дарителей зрелищ. Как раз в этот момент там появилась танцовщица, изображавшая праматерь, мудрейшую Мами. Лицо ее было набелено, разноцветное одеяние с массивным золотым нагрудником скрывало телесный облик, на голове сияла корона. Чтец испытал новый подъем чувств и тоненьким, подбитым волнующей дрожью голосом возвестил ее слова, обращенные к сонму богов.

«Я не могу сотворить в одиночку,
Только с Эйя закончу работу,
Ибо только он освящает.
Пусть глины мне даст, и я исполню».

Следом обыденным, повествовательным баритончиком чтец произнес:

Эйя раскрыл уста,

Так говорит богам великим:

Следующие слова чтец произнес густым, сдобренным пивом басом:

«В первый же месяц, в день седьмой и пятнадцатый
Я совершу обряд очищения.
Один из богов да будет повергнут,
И очистятся боги, в кровь окунувшись.
Из его плоти, в крови его
Намешает Мами глины!
Воистину божье и человеческое соединятся,
Смешавшись в глине!
Чтобы вечно мы слышали стуки сердца.
Пусть оживет разум во плоти бога...»
<...>
В первый же месяц, в день седьмой и пятнадцатый
Он совершил обряд очищения.
«Премудрого»-бога, имевшего разум
Ануннаки убили в своем собрание.
Из его тела на его крови
Намесила богиня Нинту глины,
Чтобы вечно слышали стуки сердца,
Разум живет во плоти бога.
Когда она замесила глину,
Позвала Ануннаков, богов великих,
Игиги, великие боги,
Слюной своей смочили глину,
Мами раскрыла уста:
«Вы приказали —
Я совершила...
Я вас избавила от работы,
Ваши корзины дала человеку,
Сняла с вас ярмо, дала человеку!»

В этот момент по знаку распорядителя празднества на башнях городского дворца в честь решения совета богов, в прославление их мудрости и милосердия, призывно зазвучали трубы. Следом музыканты, рассаженные позади сценической площадки, заиграли, а певцы запели древний, времен царя Хаммурапи гимн «Владычица вышняя, мать милосердная, в сонме великих светил...». Когда же чтец принялся рассказывать о процессе изготовления людей, музыканты под грохот барабанов принялись исполнять: «Эллиль дал тебе величье». Боевая песня была не совсем под стать происходящему на возвышении, но глава цеха музыкантов и танцоров хорошо знал вкусы царя. Этот марш был одной из любимых мелодий Навуходоносора.

Глава 7

Как только в месяце *таишриту* соединенная армия халдеев и мидян приблизилась к Харрану, ассирийцы и египтяне сняли осаду крепости. Гарнизон Харрана под руководством Набузардана, состоявший в основном из отрядов молодых воинов, вооруженных новыми луками и освоившими новую тактику стрельбы, – оборонялся героически, выдержал несколько штурмов, нанес врагу серьезные потери. Тем самым Навуходоносор получил дополнительные козыри в борьбе за должность главнокомандующего, на которую также претендовали давние сподвижники отца. После соединения с корпусом мидян супруга царевича, сопровождавшая мужа, встретила с братом и договорилась, что союзники поддержат требование молодого вавилонского царевича.

Ашшурбалит отступил к северу от Харрана в надежде обеспечить прочность северного фланга огромного фронта, организованного противостоящей мидянам и халдеям коалицией. Два года нескончаемых боев за перевалы на западе и наступление Киасара на востоке, взятие мидянами расположенной у Ванского озера столицы горских племен Тушпы решили судьбу Урарту. Ассирийскому предводителю не оставалось ничего иного, как отступить, уйти за Евфрат и спрятаться под крылышком у египтян. Во время переправы Ашшурбалит погиб. Когда об этом стало известно в лагере, Набополасар обратился к ликующему войску с коротким воззванием. Оно гласило:

«Воины!.. Ассирийцев, с давних пор господствовавших над всеми народами и своим тяжким бременем наносивших ущерб народу Страны – я, слабый, смиренный, чтящий владыку владык, могучей силой богов Набу и Мардука, моих господ, отвратил от страны Аккад и сбросил их иго».

По приказу царя эти слова были выбиты на камне, который был водружен в Вавилоне возле ворот Иштар. Так оказалась закрытой последняя страница Ассирийской державы.

Получив известие о приближении союзного войска, большая часть передовых отрядов египтян тоже ушла на противоположный берег Евфрата. Дряхлеющий Набополасар по своему обыкновению неспешно, в течение полутора лет выжимал последние остатки вражеской армии на правый берег великой реки. Недопустимо долго в ставке царя дискутировался вопрос, где наводить переправы и захватывать плацдарм? То ли у городка Кимуху, то ли в районе города Кварамати, что расположен на левом, халдейском берегу?.. На вражеской стороне возле самой реки были разбросаны селения Шунадири, Эламму и Дахамму. Было ясно, что Нехао будет изо всех сил держаться за этот важнейший стратегический рубеж, в центре которого возвышались неприступные стены Каркемиша.

Более тысячи лет насчитывала история знаменитой по всем землям крепости. Построена она была отмеченным в вавилонских анналах, но от того не ставшим менее легендарным народом хеттов. В пору могущества царей Хаттусаса⁵⁴ Каркемиш был перестроен и превращен в неприступную твердыню. С той поры крепость служила северянам форпостом против грозного Ашшура. Давным-давно сгинули в небытие хетты, уничтоженные явившимися от захода солнца «народами моря», лишь кое-где по горным долинам да в верхнем течении Евфрата сохранились их княжества. Каркемиш являлся столицей наиболее крупного из них. В пору вершины своей царственности ассирийский владыка Саргон II взял город (717 г. до н. э.) и превратил его в перевалочный пункт мировой торговли, где металлы, строительный камень, самоцветы, кораллы, раковины-багрянки, из которых выделяли пурпурную краску, лес и благовонные деревья и травы, а также скот, поступающие с запада, переправлялись на правый берег Евфрата те товары, что доставлялись с востока, вплоть до привозимых

⁵⁴ Хаттусас – столица государства хеттов.

из Мидии и Индии породистых жеребцов, «морских камней»⁵⁵ с благословенных южных островов и небесного цвета лазурита, добываемого в горах Памира, – на левый. Сложенные из гранитных глыб и валунов стены Каркемиша высились над узкой в тех местах речной долиной. К северу от города местность была холмистая, пересечена оврагами и руслами нескольких впадавших в Евфрат речушек. К югу простиралось более-менее ровное предполье, через десяток беру переходящее в равнинную пустыню. Стан египтян располагался как раз у самых переправ через Евфрат и почти смыкался с северными воротами крепости. Фараон Нехао, находившийся в своей ставке в Рибле близ Хамата, что в нескольких беру к северу от Дамаска, назначил главнокомандующим своего первого визиря, имевшего титул «великого начальника войска». Этот полководец был опытен в военных делах, правда, особой склонностью к самостоятельности в решениях не отличался. Лагерь египтян укреплен был слабо, ров по периметру так и не был вырыт. Птицеголовые ограничились сооружением невысокого земляного вала, на котором поставили заслон из щитов, сплетенных из хвороста, что, в общем-то, было понятно – в виду грозных стен Каркемиша еще одно укрепление смотрелось как-то неуместно. Тем более, что египтяне пришли на берега великой реки наступать и менее всего рассчитывали отсиживаться в обороне на левом берегу. Единственное, что их удерживало от переправы, – это ореол побед, который витал над войском халдеев и мидян. К тому времени Набополасар уже прочно закрепился в сознании правителей всех прилегающих земель как ведущий полководец своего времени. Слава победителя Ассирии заставляла задуматься любого смельчака. Другое дело – так прикидывали в ставке фараона – старый лев совсем одряхлел, поэтому выгоднее было выждать, пока власть не перейдет в руки «мальчишки», чем бросаться в рискованное предприятие, атакуя старого царя.

Еще год назад, когда халдейское войско окончательно выдавило противника за реку и необходимо было решить, что делать дальше, Навуходоносор с молодыми командирами принялся настаивать на том, чтобы, не теряя времени, форсировать реку поближе к городу. Набополасар как бы не заметил предложения сына, и вскоре армия начала переправу возле Кимуху. Однако египтянам удалось сбросить передовые кисиры⁵⁶ халдеев в воду. Наконец Набополасар приказал форсировать реку к югу от города, между селениями Шунадири и Дахамму, в холмистой, удобной для обороны местности. Переправой было поручено командовать царевичу. На этот раз халдеям удалось прочно зацепиться за левый берег, возвести земляные укрепления, которые, правда, несколько стесняли маневр переправившегося корпуса, однако обезопасили находившиеся на пятачке войска. На этом дело вновь застопорилось. Царь вновь почувствовал себя худо, однако отправиться в Вавилон на отдых отказался. В это время египтяне с помощью греческих наемников выбили халдеев с правого берега и, переправившись на другую сторону реки, заняли городок Кварамати. Набополасар поручил сыну отбить этот стратегически важный пункт и после того, как молодой царевич, в свою очередь, бросил в дело греков-ионийцев, сражавшихся на его стороне, и сбросил войска фараона в реку, Набополасар, удовлетворенный статус-кво, фактически не возражал против того, чтобы управление армией перешло под начало сына. Набу-Защити трон первым делом перевел армию поближе к Каркемишу и приказал форсировать реку к северу от крепости – с той стороны, где у врага был разбит полевой лагерь. Вся армия египтян не могла поместиться в Каркемише. Высадка прошла успешно, и все равно старые военачальники, особенно из прирожденных вавилонян, тайно недолюбливавших «деревенщину-калду», не очень-то горели желанием выполнять приказы «мальчишки».

⁵⁵ «Морские камни» – жемчуг.

⁵⁶ Кисир (отряд) – основная организационная единица ассирийской и вавилонской армий. Численность от 200 до 500 человек. Кисир делился на пятидесятки, те, в свою очередь, на десятки. Несколько кисиров составляли эмуку (силу).

Старик теперь частенько на виду у войска посиживал возле своей палатки на большом войсковом барабане. Устраивался на пятках, осматривал укрепленный лагерь, воздвигнутый на берегу Евфрата. По примеру союзников-мидян кутался в наброшенную на одно плечо овчину, следил за подкреплениями, перебрасываемыми к расположенному к северу от Каркемиша плацдарму. Отряды по настоянию солдат непременно проходили в виду царского шатра. Завидев «старика-защитника» (так прозвали Набополасара в войске), восседавшего на барабане, воины начинали во всю силу выкрикивать здравицы в его честь, подбадривать «папашу». Пусть еще поживет, пусть посмотрит, что они сотворят с этими сопливыми, скользкими недоносками-египтянами, трусливыми сирийскими собаками, вздорными и упрямыми греками. Со всей этой швалью, посмевавшейся встать на пути бородатого халдея и доблестного мидянина...

Настроением в войсках Набополасар был доволен. Сына по пустякам старался не тревожить, в ставку поминутно не отзывал, не требовал ежедневного отчета о стычках, потерях и трофеях. Все поступавшие доносы, свидетельствующие о том, что Навуходоносор вынашивает планы отстранить отца от управления армией, откладывал в сторону. Вечерами засиживался с Мардук-Ишкуну, оба наблюдали за звездами. Прорицатель и астроном объяснял повелителю тайные знаки, посылаемые светилами, рассказывал, на какой звезде устроило «стоянку» то или иное божество. Так на Полярной поселились Эллиль и Эйя. Мардук предпочел самое крупное светило *Неберу*, важно проплывающее по ночному небосводу. Это была планета путников, указывающая им дорогу, перекрестье небес и земли, центр вселенной. От одних таких перечислений, на которые не скупился разгоряченный видом звездного неба Мардук-Ишкуну, у старика захватывало дух. Голова кружилась от мысли, что по милости Создателя ему дано лицезреть центр мироздания.

Набу или *Бебо* появлялся на короткое время после захода и перед восходом солнца. Шамаша – богу мудрости хватало мимолетного взора, чтобы узнать, что творится на выпуклой земной тверди, как идут дела у его подопечных Набополасара и Навуходоносора. Огненный *Ниндар* представлялся старику в виде одноглазого, впавшего в иступление воина, высматривающего на земле приближение битвы.

Иштар полюбила Утренняя звезда. С течением года богине любви, как всякой капризной красавице, надоедало вместе с первыми лучами солнца обозревать землю, и она начинала восходить по вечерам.

Все это что-нибудь да значило. Было удивительно интересно знать, как устроен мир. От совершенства творения захватывало дух, пробуждалось воображение. Шла война, решавшая судьбу династии, египтяне постоянно грозили сбросить передовой корпус в реку, а у Набополасара было легко на душе. Он приготовился к смерти и только об одном просил богов – пусть повезет его первенцу. Он неплохой парень, в меру разумен, в меру строптив. Себе на уме, порой простоват, особенно в объятиях этой дикарки, уверовавшей в неискоренимую борьбу между неземным светом и дьявольской тьмой, чего никак быть не может. Опыт и крестьянская сметка подсказывали старому царю, что мир един и другим быть не может. Ведь даже Луна-Син, как утверждает заклинатель Ишкуну, размеренно шествующая по небу, проходит за месяц те же самые созвездия, которые Солнце-Шамаш посещает за целый год. Если у дня и ночи путь совместный и выверен до минуты, то о каком противоборстве света и тьмы может идти речь! Они живут в обнимку – свет и тьма, день и ночь, жизнь и смерть, добро и зло. Ссорятся – это да, не без того, однако живут одной компаншкой. Так что, ребята, вы там, у себя в Мидии, как не крутите, но мир един. О своей умопомрачительной догадке он даже не пытался известить Навуходоносора. Пусть мальчик сам поищет истину, трону это не грозит. Наследник прекрасно проявил себя в горах, теперь ему можно доверить руководство армией, однако старый лысый Набополасар твердо усвоил простую истину – власть

никому и никогда не даруется. Ее берут, будь ты даже самым наизаконнейшим из наизаконных наследников.

Власть – это такая скользкая штука... Что-то вроде птицы-удачи. Последний раб имеет возможность схватить ее за хвост. Сколько их было, рыбаков, охотников, простых воинов, отбедовавших назначенное судьбой, затем по милости богов всходивших к трону. Они садились на него прочно, всей задницей. Силой не спихнешь... И сколько было их, законных, томных, уверовавших в судьбу, не успевших облечься царственностью, тут же кувырком летающих в Страну без Возврата. У власти всегда короткий выбор: либо ты царь, либо мертвец. *Tertium non datur*⁵⁷.

Армию старик любил больше всего на свете. Запах дымка от костров, на которых в огромных медных котлах кипело варево, вызывал слезы. Крики караульных, ругань и драки при дележке добычи, обладание только что, с пылу с жару доставленной женщиной, еще вчера беззаботно цветущей под крылышком какого-нибудь местного туза, а сегодня обнаружившей себя безгласной рабыней (если они начинали роптать, он сразу бил их в ухо); звуки боевых труб, разгоняющий кровь рокот барабанов, ни с чем не сравнимое ощущение опасности, желание похорохориться в безнадежном положении, расправа с трусами, спасение боевых товарищей, запах конского пота, скрип боевых колесниц – здесь было столько всего намешано, что вот так запросто расстаться с этим братством, лишиться себя источника жизни он никак не мог. Умирать было страшно и в то же время интересно. Сколько раз он смотрел в лицо смерти, в молодости дал зарок, что никогда, даже на смертном одре не откажется от царского оружия, венца и штандарта с изображением самого милого на земле животного – дракона Мардука. Душа этого не снесет!.. Пусть наследник попробует вырвать из его рук то, что, как он считает, ему положено. По праву ли, не по праву, но пусть схватит сам, ухватится покрепче, зубами вцепится... Пусть рычит при этом, как кот, у которого отбирают добычу, пусть рискнет жизнью, но не ради самого риска, а ради того великолепного, привораживающего, огромного, что черноголовое быдло называет государством.

Это были хорошие мысли. Добрые... Сколько раз он взвешивал про себя достоинства и недостатки представленного Навуходоносором плана, ставка в котором было сделана на генеральное сражение. По правде говоря, план был хорош, но не настолько, чтобы исключить всякий риск, а вот этого старый Набополасар никак не мог допустить. Погубить армию, которую он выпестовал своими руками!.. Иди ты к Нергалу!.. Расчеты, представленные сподвижниками, прошедшими с ним огонь и воды, и медные трубы, были не совсем плохи и тоже, не мытьем, так катаньем, могли привести к победе. А может, и нет. Зато сидение в обороне и выжидание подходящего момента, когда египтяне потеряют бдительность, либо по милости богов свершится нечто неожиданное у них в тылу – например, восстанут эти ублюдки-иудеи, – исключало всякие неожиданности. Слухи о заговоре, доходившие до него, лишь разогревали кровь. Жить ему осталось совсем немного – это как пить дать, и в любом случае помереть было не страшно. Что от руки наемного убийцы, от яда или в своей постели на виду лицемерно рыдающих сановников – какая разница! Но было до жути интересно, неужели Навуходоносор, его кровинка, поднимет руку на отца?

На бога!!!

Если да, то времена и нравы испортились до такой степени, что чем скорее он ляжет в могилу, тем лучше. Если нет – как узурпатор Навуходоносор намеревается взнуздать старых генералов и доброе большинство командиров отдельных эмуку. Поросль у наследника хорошая – Набузардан прекрасно проявил себя во время осады Харрана ассирийцами, Нериглиссар, начальник конницы, из молодых да ранний, тоже хват. Однако и старые кони еще в силе. Кто, кроме Шамгур-Набу сможет повести в бой тяжелую пехоту? Кому, кроме него,

⁵⁷ Третьего не дано (лат.).

царя Набополасара и Шамгура, эти бородатые мужики-копьемосцы, Нергал их подери, подчинятся?!

Бросить все, отдать распоряжение о назначении Навуходоносора главнокомандующим и уехать в Вавилон? Это поступок не снимет напряжения. Армия должна работать как единый механизм, у нее в принципе не может быть двух главнокомандующих. Если он оставит лагерь, то и в столице его достанут грудой жалоб, в которых придется дотошно разбираться – иначе он не умел, а как разберешься за сотни беру от фронта. Всякий жалобщик будет вправе ждать решение царя и не исполнять решение командира. Такой уж он установил порядок. Разве можно дерзать в подобной обстановке!

Как Навуходоносор выкрутится из этого положения?

В конце двадцатого года царствования, в разгар дождливого периода, Набополасар почувствовал себя совсем плохо. Мардук-Ишкунни резко ограничил доступ посетителей к царю, однако наступившая весна, теплый душистый воздух, одевшиеся листвою деревья по берегам Евфрата, сделали свое дело – царь пошел на поправку. Мардук-Ишкунни по приказу Набополасара скрыл это от окружения.

Сразу после недолгого празднования Нового года Навуходоносор явился в ставку. Схватил за грудки выскочившего с протестом из палатки Мардук-Ишкунни, худосочного, неприятного старичка, швырнул его в сторону Набузардана – тот ни слова не говоря передал растерявшегося прорицателя в руки явившихся с ним отборных – и прошел в царский шатер. Отец сидел у стола и рассматривал рисованное писцами изображение русла реки и прилегающей территории. Чертеж был сделан на пергаменте, в центре его весьма искусно были нарисованы стены Каркемиша.

Навуходоносор по слуху определил, что смена стражи вокруг шатра произведена без шума и, получив разрешение, сел рядом с отцом – с ходу начал излагать наметки плана предстоящего штурма Каркемиша.

– На этот раз действовать будем решительно и смело. Не так, как в ту пору, когда Ашшурбалит удирал из Ниневии, – заявил он. – Если бы мы тогда не дали этой гадине уползти в нору, сейчас наши гарнизоны стояли бы на границах страны Мусри.

– Не слишком ли? – изломил бровь Набополасар. – Стоит ли спешить с генеральным сражением, пока мы прочно не встали на правом берегу?

– У них преимущество в числе воинов и стенка на стенку нам их не одолеть, – объяснил Навуходоносор. – Мы должны как можно сильнее растянуть их ряды, поставить перед необходимостью сражаться на два, а лучше на три фронта.

Старик нахмурился.

– Ты свихнулся? Дерзишь богам?.. Не забывай, что они смотрят на тебя из поднебесья, им тоже интересно, чем закончится война.

– Я уже принес жертву, результаты благоприятные.

– Я требую масштабного гадания, по всем правилам! – взволновался Набополасар.

– Этому не бывать! – Навуходоносор рубанул воздух ребром ладони.

Он поднялся, прошелся по шатру, при этом нервно потер руки. Потом собравшись с духом заявил:

– Отец... Господин... С этого момента я беру на себя командование армией. Только мои приказы будут иметь силу и ничьи больше... Тебе пора удалиться на покой, желаешь ты того или нет. Дальнейшая затяжка с наступлением недопустима, этак мы сможем растерять все, чего добились за семь лет, и Вавилонию нам придется оборонять в низовье Тигра и Евфрата.

– Если я не соглашусь, – откликнулся Набополасар.

– Придется согласиться... В противном случае ты будешь немедленно под конвоем отправлен в Вавилон. Я объявлю, что здоровье твое ухудшилось и тебя должны пользоваться

самые лучшие столичные знахари. Путь до города долгий, мои люди спешить не будут. В пути тебе будут оказаны все полагающиеся почести. Если ты будешь упрямитесь, мне придется объявить собственный приказ о вступление в должность. В этом случае я буду беспощаден. Даже зная, как ценны для нас те или иные командиры... Однако если попытаются своевольничать или решат обратиться к тебе за помощью, они будут казнены.

– Ловко! – кивнул старик. – Значит, меня будут везти в столицу до тех пор, пока я не сдохну в дороге?

Наследник кивнул.

– Это необходимо в интересах государства, – добавил он.

– Ты все продумал? – поинтересовался отец и пытливо глянул на раскрасневшегося сына. Выходит, он все-таки решился? – Даже то, – продолжил он, – что ни я, ни ты в этом году не испросили милости у Мардука, не коснулись его руки и потому оба не можем считаться царями. Разве что правителями...

– Это дело поправимое...

– Как посмотрят на твой поступок мидийцы?

– Астиаг на моей стороне. Он вскоре со своими командирами явится в твой шатер.

– Ай-яй-яй, как неразумно он поступает! – всплеснул руками Набополасар. – Он твой побратим, ты объяснил ему, что ради тебя он жертвует своим будущим?

– В твоих силах помочь ему. Он – наш верный союзник и останется таковым до конца. Это в наших государственных интересах повязать его участием в заговоре. Согласись на мое предложение – и все будет хорошо.

– Но не для Астиага. Ты, конечно, не объяснил этому молокососу, чем он рискует?

– Нет, каждый добывает власть в одиночку.

– Вот это мило! Неужели твоя пухленькая мидянка не разъяснила братцу всю щекотливость ситуации?

– Нет, я запретил ей вдаваться в подробности. Она прежде всего вавилонская царица и только потом уже чья-то сестра и дочь. Она – верная жена и в точности выполнила мое распоряжение. К тому же у меня достанет сил защитить Астиага от гнева Киаксара...

– Это радует, – спокойно откликнулся Набополасар. – Предположим, надеясь на милость богов, я приму твое предложение. Ты сразу бросишься штурмовать Каркемиш?

– Отец, господин... Ты, верно, до сих пор считаешь, что я – сопливый мальчишка, которого следует оттаскать за уши, чтобы он не дерзил? Эти времена давно прошли. Я крепко подумал, хорошо подготовился к этому разговору. Спроси любого командира из молодых и доверяющих мне, какая перед ним поставлена боевая задача, он доложит громко, четко, так, что слова будут отскакивать от зубов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.